

МАРИНА МЕЛЬНИКОВА

**БЕГ
ПО
СПИРАЛИ**

Марина Мельникова

Бег по спирали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74247126

ISBN 978-5-00194-169-9

Аннотация

Перед нами мир, где грань между человеком и машиной почти стерта, а мечта о справедливом и благополучном обществе окончательно рассыпалась. Планета разделена на две противостоящие коалиции, технологии служат прежде всего богатым, а медицина и повседневность превращаются в набор алгоритмов и платных услуг.

На фоне этого холодного, кибернизированного будущего мы видим Алису Громову – молодую женщину, которая держится за любовь к Жану, человеку опасному, закрытому и постоянно исчезающему в командировках и контрактах. Их отношения похожи на вспышку: страсть, ирония, недосказанность – и неизбежное ощущение скорого разрыва. Алиса мечтает о близости и стабильности, но слышит в ответ лишь отстраненную честность: обещаний не будет.

Человечество строит гигантский ускоритель частиц, опоясывающий Землю, надеясь прорваться к новым уровням понимания материи и реальности. Наука снова становится силой, способной перекроить мир – но цена этого прорыва может оказаться непредсказуемой, как и хаос в человеческих чувствах.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	65
Глава 7	78
Глава 8	87
Глава 9	102
Глава 10	115
Глава 11	123
Глава 12	135
Глава 13	147
Глава 14	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Марина Мельникова

Бег по спирали

© Мельникова М. А., 2026

Часть I

Ритм хаоса

Здравствуй, дружок! Я расскажу тебе сказку. Раньше была другая Вселенная. Но на одной из планет ученые запустили адронный коллайдер. Произошел Большой Взрыв, в результате которого и возникла наша Вселенная.

Глава 1

Алиса прикрыла глаза. Сердце трепетало в груди, словно пойманное в силки. Прохладные атласные простыни охладили разгоряченную кожу. Все, что было пару мгновений назад, упорхнуло, словно стайка бабочек, покидая благоухающий цветок. Оставалось цепляться за недавние грезы, понимая, что с каждой секундой они все дальше от реальности. Открыв глаза, Алиса наблюдала, как собственная реальность в лице угрюмого молодого человека, скользнула взглядом по ее обнаженному телу. Девушка томно потянулась и откинула тяжелую копну золотистых волос. Лукавая улыбка тронула ее губы, когда парень нахмурился еще больше.

– Прикройся и прекращай меня соблазнять, – одеваясь, строго сказал он.

Она, уверенная в своей сексуальности, не подумала выполнить просьбу. Наоборот, переменив позу так, чтобы длинные ноги с изящными лодыжками выглянули из-под простыни, она усмехнулась. В глазах горел вызов.

Похлопав по опустевшему месту рядом с собой, Алиса негромко позвала:

– Иди ко мне...

– Вставай, лежебока! – угрюмая реальность в лице молодого человека упрямо не желала смягчаться. – Во второй половине дня я должен быть на важной встрече.

Девушка надула губки.

– Надоели мне твои важные встречи, бесконечные отъезды, долгое отсутствие, а потом здравствуйте, приехали, люби меня и развлекай...

– Алиса, девочка моя, ведь это моя работа, за которую мне платят деньги. Немалые деньги, между прочим, – спокойно, словно малому ребенку, объяснял он.

– А я замуж хочу! Ты промурыжишь меня и бросишь.

Молодой человек усмехнулся:

– Я где-то слышал, что брак – это тайный заговор женщин против мужчин. Хорошо сказано, *n'est-ce pas*¹?

– Не переводи разговор! Ты как наркоман, посидишь полмесяца дома, и у тебя начинается ломка. Мне уже надоело отлавливать тебя между поездками. Я ощущаю себя надвунной куклой, которую используют по надобности, а потом сдувают и забрасывают в антресоль, чтобы не мешала.

Не дожидаясь ответа, Алиса вскочила с кровати и начала стремительно одеваться. Как назло, скомканные и разбросанные накануне вещи категорически не желали возвращаться на свои места, норовя надеться то наизнанку, то задом наперед.

Парень подошел к ней вплотную, развернул к себе и обхватил лицо ладонями, заставив посмотреть в глаза:

– Душа моя, я ведь никогда и ничего тебе не обещал.

Его карие, такие родные глаза были, как никогда серьез-

¹ Не так ли? (франц.)

ны и от этого стало еще тяжелее. Ком сдавил ее горло. Все оставалось по-прежнему. Яркие вспышки сменялись стремительным остыванием и отдалением.

– Знаю, что ты меня не любишь, но я не могу без тебя, – прошептала она.

Разыгравшаяся собачка Алисы, не ощутившая накал страстей, норовила куснуть молодого человека за штанину. Он, рассмеявшись, подхватил померанского шпица за бока и доведя его до бешенства, метнул на кровать. Оттуда донеслось презрительное фырканье.

– Ладно, радость моя, одевайся быстрее. Наш столик уже ждет, – словно не расслышав ее слов, небрежно бросил он.

– Это все, что ты мне можешь сказать?

Алиса замерла, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Противоречивые чувства терзали ее душу и разрывали сердце. Имя одного из них – Любовь. Молодой человек, словно чувствуя ее душевную бурю, отошел к окну, давая возможность разобраться в себе. Он знал – любая его реплика, любое неосторожно сказанное слово, и буря перерастет в ураган.

«А так хорошо все начиналось!» – мысленно вздохнул он.

«Он не хочет смотреть на мои терзания», – подумала она, злясь на себя, на него, на весь мир.

Тяжелыми облаками осаждали ее ум безысходность, раздражение и недоумение.

«Бежать от него? Бежать к нему?»

Как быть, если самой себе она не может внятно объяснить столь явную нелогичность своих мыслей и поступков?

– Пойдем, – обреченно, с вымученной улыбкой, прошептала Алиса.

Молодую пару в кафе уже ждали.

– Пять минут, и ваша шакшука будет подана, – любезно уведомил подошедший официант.

– Тебе еще не надоела эта яичница? – Алиса не удержалась, чтобы его не уколоть.

– Она возвращает мне силы после ночи любви с тобой.

Жан, улыбнулся и подмигнул. Но сквозь эту сдержанную улыбку и дружеское подмигивание сквозила легкая ирония, заставившая ее сердце болезненно сжаться. Ощущение зыбкости и иллюзорности их отношений многократно усилилось, как и предчувствие неотвратимого расставания. Это чувство обожгло, вылившись краской на ее щеках.

– Жан, ты можешь быть серьезным? – сказала она с едва сдерживаемой обреченностью, а внутреннему голосу приказала замолчать.

«Наши отношения сдулись, я его раздражаю!»

– Жизнь, девочка моя, серьезная штука, зачем ее усложнять еще больше?

– Ладно, – вздохнула Алиса, – куда ты направляешься на этот раз?

– Пока точно не знаю, – он равнодушно пожал плечами и отпил воды.

– Надолго?

– Судя по новому контракту, нет. А, как твоя онлайн-диагностика? – переводя разговор собеседник хитро прищурился.

Алиса махнула рукой. Упоминание о работе напрягло. Перед ее внутренним взором возникла картина: серебристо-серая высотка, отстроенная на руинах детской поликлиники, утренний кофе, диагностические карты, контроль показаний и информации с виртуальных датчиков здоровья. Она вновь почувствовала себя роботом, у которого там заржавело, здесь отпало, тут сбилась программа.

– Я киборг и очень органично себя в этом ощущаю, – горько усмехнулась девушка, – работа скучная и монотонная. Симптомы, причины, диагностика и методы лечения уже забиты в компьютеры. Нажал клавишу и получи лечение. Теряется квалификация, мы становимся придатками машин, а это уже не смешно. Столько лет учебы потрачено впустую.

Кривая улыбка тронула его губы. Жан сложил салфетку вдвое, повертел ее и глубокомысленно произнес:

– Мир будет таким, каким ты его видишь.

– Конечно, тебе легко говорить, – Алиса картинно надула губки и отвернулась к окну.

– Ты не знаешь, какие в моей жизни «подводные камни», – он шутливо нахмурил брови. – Забываешь, что учили вас не только кнопки нажимать. А работа в экстриме? В космосе, например, там самой надо соображать, не надеясь на маши-

ну.

– Ладно, сдаюсь, ты прав. Эх, жаль, что родители вернули нас с Мартой на грешную Землю. Мы же с твоей сестрой рвались на Марс, вот где была бы классная практика.

Умиротворяющая атмосфера кафе настраивала на лирический лад: легкие матово-голубые портьеры, иссиня-черный потолок, на котором мерцали светодиодные звезды, и раскидистые пальмы в глиняных кадках. По ровному, словно гладь спокойного озера, полу, неслышно скользили официанты с заказами.

Тоска по прошлому настигает неожиданно, и «спусковые крючки» для машины времени в сознании у каждого свои. Алиса обвела задумчивым взглядом полупустой зал, а воспоминания унесли ее мысли в школьные годы и студенчество, где были бессонные ночи, лекции, конспекты и посиделки. Вспомнилось время, когда старший брат ее подруги приезжал в Москву, и свысока, отстраненно, как сейчас, смотрел на нее – Алису Громову. Он был и остался для нее целым миром.

Жан замер. Казалось, и он погрузился в какое-то светлое воспоминание, тоже перенесясь в другое место и в другое время. Его лицо осталось бесстрастным, но Алиса почувствовала, что былое с зыбкими тенями из их прошлого вгоняет его в депрессию. Она рассеяно тряхнула головой, сбрасывая ностальгию.

– Ведомство опять поднимает цены, – в ее словах чита-

лась усталость, – еще немного и пользоваться услугами нашей клиники смогут единицы.

– Сначала деньги, потом стулья, – в тон ей ответил Жан, – бизнес и ничего личного.

Алиса кивнула.

– А начиналось ведь так замечательно: врач всегда рядом, решены сложные вопросы, а для хронического заболевания – это же просто находка! Мы повысили возможности человека путем соединения его с вычислительными мощностями компьютерных сетей.

– Солнышко мое, ты же знаешь, что научно-технические прорывы, способные улучшить и качество жизни, и саму жизнь искусственно тормозятся, – назидательно проронил собеседник и ободрающе сжал ее пальцы.

В разговоре повисла пауза. Каждый думал о своем, подсвеченный рассеянным светом зал, казалось, тоже утонул в густой, нереальной тишине.

– Темное прошлое, смешавшись со светлым будущим, дало серое настоящее, – разморозилась Алиса, – хотя есть и положительные моменты – мы же все кибернизированы. А у тебя наверняка установлены два-три боевых чипа и разъемы для смаргана².

Жан ничего не ответил, только улыбнулся еще шире, отчего его лицо получило хищное и одновременно лукавое выражение. В это время гарсон принес еду и аккуратно расста-

² «Умное» оружие

вил блюда на столе.

– Давай-ка налегай, – предложил Жан, – мне кажется, что я сам не ел с прошлого года.

Алиса угукнула, пододвинула к себе тарелку, ткнула вилок в кусок ветчины и куснула от души. Жан негромко рассмеялся и подумал: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!». Девушка была настолько поглощена едой, что не обратила внимания на его реакцию.

Они съели все жадно и быстро, но уходить из кафе не хотелось. Погрузившись в сонное безвремение, молодые люди словно оттягивали момент скачка в неизвестность. В ожидании мороженого и кофе, каждый думал и молчал о чем-то своем.

Алиса, как зачарованная не сводила с любимого глаз, стараясь запечатлеть в памяти каждую его черточку, каждый его жест. Женская интуиция подсказывала ей – они в этом мире больше не увидятся.

Красавец, что ни говори. Высокий рост, аристократически-небрежная грация, гармонирующая с натренированным телом. Несмотря на безукоризненные манеры, приобретенные Жаном в закрытой элитной школе, было в нем что-то угрожающее, непреклонное – грация огромной хищной кошки, готовящейся к нападению.

Загорелые руки заставляли вспоминать о звериной хватке, взгляд светло-карих глаз давил невыносимой тяжестью, а легкая щетина на щеках и подбородке в сочетании с ши-

рокой улыбкой на смуглом лице придавали Жану геройский облик. Сейчас он улыбался, глядя на нее. Скупой ироничный изгиб тонких губ. Фразы, бросаемые им в разговоре, зачастую сопровождались именно такой улыбкой. Самоуверенный, гибкий, непроницаемый. Алиса знала, что это всего лишь маска, которую он надевал, выходя из дома. Все вместе это создавало такое очарование и силу, к которым вряд ли хоть одна женщина могла остаться равнодушной. Такое родное и такое недоступное одновременно.

Он был одним из тех героев, которых манят невиданные дали – города, континенты, галактики... Одним из тех героев с горящим сердцем и холодным разумом... Одним из тех самых героев, которые навсегда остаются в летописях истории...

Печаль вновь коснулась ее сердца, и на мгновение Алиса зажмурилась, прогоняя непрошеные слезы.

«А если он уйдет и больше не вернется? – бесконечно спрашивала она себя и бесконечно гнала эту назойливую мысль. – Нет, я не в силах его потерять, я не смогу без него жить!»

– Что-то кофе задерживают, за ним явно поехали в Эфиопию, – тихо произнес Жан, а потом добавил, – ты уже полчаса меня разглядываешь. Как-то стало не по себе.

– Я тебя буду ждать, – покачала головой Алиса, – слышишь? Я тебя буду ждать!

Жан улыбнулся.

– В двадцатом веке жил-был выдающийся поэт, и стихи у него были замечательные:

Жди меня, и я вернусь³.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди. Когда других не ждут,
Позабыв вчера...

Ирония его взгляда, остановившегося на глазах Алисы, не сочеталась с такими нежными и трогательными строками. Он словно играл, как кошка с пойманной мышью, испытывая порог ее терпения. И догадаться, о чем он сейчас думал, было невозможно. Алиса почувствовала, что краснеет, но нашла в себе силы выдержать этот взгляд.

– Ты... – покачала она головой, изо всех сил, стараясь не расплакаться, – ты слишком беззастенчиво играешь моими чувствами.

³ Константин Симонов

Глава 2

В конце двадцать первого века мечты человечества о безупречном устройстве общества – образцовом и правильном – окончательно канули в бездну. Стремление ко всеобщему благоденствию и совершенствованию жизни так и осталось мечтой и недостижимой утопией.

Продолжительность жизни землян ненамного увеличилась, но это было лишь благодаря иммунизации и тому, что люди как-то приспособились переваривать то, что поступает на прилавки и вдыхать то, что выдыхают мегаполисы. Обеспеченная верхушка приближалась к бессмертию.

Агрессивная политика, войны, голод и ослабленная экономика разделили мир на два лагеря, две коалиции: Западную и Восточную. Но, несмотря на национальную разобщенность, научные изыскания по-прежнему объединяли ученых разных стран.

Прогресс – это реализация утопий⁴, и безграничная вера в светлое будущее подтолкнула реформаторское человечество к воплощению в жизнь мечты физиков – ядерщиков. Усилиями землян был построен новый электрон-позитронный ускоритель частиц, огибающий Землю.

Комплексы Центров ядерных исследований, включающие все необходимое для жизнедеятельности большого количе-

⁴ Оскар Уайльд

ства инженеров и ученых, обслуживающих ускоритель, располагались в крупных городах, вдоль его кольца. Открывшийся им мир, разобранный на атомы, оказался более многогранным и насыщенным. Он рассыпался на частицы, а потом вновь собирался в объемные и живые картины – гротескные, чувствующие, фантастические. Это была реальность каждого человека, сотворенная его руками.

Полковник Александр Громов уже три года возглавлял одно из подразделений Управления Безопасности Восточной Коалиции – окутанный тайнами и слухами «Девятый отдел». Внешняя разведка с разветвленной сетью агентов, бюро технического анализа, высокоинтеллектуальные системы вооружения и перспективные научные исследования – вот неполный список того, чем занималось подразделение Громова.

Между противоборствующими коалициями сохранялся шаткий мир, но борьба не прекращалась ни на минуту. Невидимая и незаметная обычным людям, она отныне шла в кабинетах и спецлабораториях, скрытых от посторонних глаз.

* * *

У стены конференц-зала секретного бункера, облокотившись о лекторскую стойку, стоял Алексей Зиновьев – руководитель военной лаборатории, рядом с ним расположился Александр Громов, весь, как и положено, в форме с иголоч-

ки. Они говорили быстро, полупшепотом, порой перебивая друг друга.

Посмотрев на часы, полковник бросил взгляд на аудиторию.

– До собрания мы с профессором обсуждали одно открытие, – пояснил собравшимся командир и повернувшись к ученому спросил:

– Как вы считаете, профессор, можно ли его использовать для создания нового оружия?

В этот момент по его лицу прошла тень, а обычно пронизательный и насмешливый взгляд стал отрешенным от окружающего мира и сосредоточенным на каких-то внутренних вопросах, но заметив непонимание в глазах присутствующих, пояснил:

– Нам стало известно, что в лаборатории физики высоких энергий появился Антуан Леруа, генерал «дружественного» военного ведомства. Я предполагаю, что возможности ускорителя заряженных частиц оказались ошеломительными для них, а именно: поиск пространственно-временных порталов, разработка супероружия, в основе которого лежит так называемая «частица Бога» – это то, о чем говорится на их летучках, планерках и совещаниях.

Профессор задумался, потом начал рассуждать:

– Наличие гигантского количества энергии в атомном ядре не вызывает сомнения – ядерные реакторы и ядерное оружие являются наглядным подтверждением этого факта.

Военные закивали, профессор затронул близкую им тему. В ярко освещенном зале собралось, по меньшей мере, человек тридцать, внимавших каждому его слову. Даже сухое потрескивание разохшейся лекционной стойки, за которой привычно расположился профессор, не могло отвлечь их внимание.

– Деление тяжелых ядер положено в основу принципа работы атомной бомбы. А слияние легких ядер, с образованием более тяжелых, лежит в основе термоядерных реакций водородной бомбы.

– Ну, это старо, как мир – пробубнил один из присутствующих, его комментарий подхватили другие.

Возникший поначалу ропот офицеров в аудитории стих, а профессор, воодушевившись, кивком поблагодарил слушателей и принялся медленно обходить ряды кресел, обтянутых темно-синей кожей:

– Протон состоит из более мелких частиц – кварков, и если освоить энергию связей между кварками, то можно получить еще больше энергии по сравнению с ядерными реакциями. «Приручив» эти частицы, мы, имея в триллионы раз меньший механизм, произведем в триллионы раз больше энергии.

В рядах военных возбужденно зашушукались.

– По вашим одобрительным взглядам я понял, что сказал то, что вы хотели услышать, но не так все просто...

Полковник Громов, категорично замотав головой, пре-

рвал профессора:

– Уважаемый Алексей Евгеньевич, не скромничайте. В вашем подразделении уже ведутся работы по использованию внутриводородной энергии в военных целях.

– Вы правы, мы подошли к изготовлению генераторов для использования их в широком спектре оружия, от индивидуального карманного излучателя до стратегических планетарных комплексов.

– Надо вам сказать, господа, – перехватил инициативу Громов, – появление такого оружия нарушит существующее равновесие сил в мире.

– Но пока, – продолжил профессор, остановившись, – мы подбираем подходящие параметры для запуска реакции водородного распада и отработываем правильную конструкцию фокусирующей системы.

– На какой стадии сейчас ваши разработки?

– Дело за малым, подбираем соответствующие материалы.

– Я слышал, что «дружественные» ведомства собираются использовать в качестве водородного оружия какое-то анти-вещество? – спросил видный офицер восточной наружности.

– Я тоже об этом слышал, – ответил профессор, – в нашем генераторе излучения вещество превращается в плазму, но если взять «водородную» бомбу, использующую в качестве заряда антиматерию, то она будет самая дорогая бомба в мире.

– Это почему?

– Протон и антипротон – близнецы-братья, только антипротон – это взгляд из зазеркалья. Они номинально равны, но противоположны по знаку, при встрече уничтожают друг друга, высвобождая много энергии. Но даже при нынешнем уровне развития технологий стоимость производства антиматерии баснословно дорога.

– Но ее все-таки можно создать? – не унимался военный.

– Можно, но антивещество нестабильно. Уже много десятилетий ученые бьются над этой проблемой.

Понимая, что разговор утекает в русло «если бы да кабы», Громов спросил:

– Профессор, все-таки вернемся к тому, с чего начали: пространственно-временные порталы возможны?

– Я не могу сказать, что это абсурд, хм... – поправив очки, констатировал ученый и тряхнул головой, – но мы еще не открыли путь в зазеркалье, как Алиса.

– Хорошо, почему Леруа волнует какая-то частица Бога?

Физик не успел ответить. В зал заседаний вошла колоритная фигура, переключившая на себя все внимание аудитории. Высокий парень спортивного телосложения в изрядно потертом джинсовом костюме, похожий на брутального актера из архивного фильма.

– Простите, господа, – обращаясь к одному Громову, спокойно произнес он, снимая солнцезащитные очки, – пробки, все как в былые времена!

Средиземноморский загар, высокомерный прищур свет-

ло-карих глаз – создалось впечатление, что парень пришел, вернее, опоздал на концерт рок-группы и ни сколько об этом не сожалеет. На его лице играла самодовольная улыбка.

Старший лейтенант, сидевший ближе к выходу, подскокил, пытаясь загородить собой пространство зала, параллельно отодвигая парня к двери.

– Ковалев, отставить! – нахмурившись, приказал полковник бдительному офицеру и обратившись к остальным сказал: – Наше совещание продолжится в три часа дня! Профессор, останьтесь – это дело касается и вас.

Белозубая улыбка на мгновение осветила лицо вошедшего. Мужчины подождали, пока зал совещаний опустел. Некоторое время они молчали, рассматривая друг друга. Молодой человек стоял в расслабленной позе, засунув руки в карманы, и, казалось, изучал носки своих черных кроссовок. Профессор заметно нервничал, озираясь по сторонам. Наконец Громов, выдержав театральную паузу, гордо изрек:

– Прошу знакомиться, Ворон.

Ученый недоуменно вскинул брови.

– Агент, – уточнил тот.

Физик уже с большим интересом окинул визитера взглядом.

– Мне всегда казалось, что агенты должны быть не броскими, сливаться с толпой, ведь так?

– У Ворона другое задание.

– Понятно, что такого молодца зачем-то готовили, – с

улыбкой констатировал профессор.

– Ты вовремя появился! Алексей Евгеньевич собирался рассказать нам об интересах Леруа в отношении игр с бозонами.

– Я только могу предположить, – пробормотал профессор, – но даже от предположения – мурашки по коже. Простите, ваш агент, часом, не физик?

– Физик у нас вы, а мы так, – Громов неопределенно махнул рукой, – рядом стоим.

– Тогда боюсь, что эта наука, даже в примитивном варианте, будет тяжела для понимания, – покачал головой ученый.

– А вы рискните...

Сдавшись, господин Зиновьев жестом указал на кресла и, сев первым, сложил руки на животе.

– Итак, ученые теоретически, а потом, с разными промежутками времени экспериментально доказали существование целого зоопарка элементарных частиц.

Мужчина закатил глаза. Было видно, что он безумно увлечен исследованиями и все, что связано с ними его занимает. Черты лица расслабились, поза стала менее напряженной.

– Хиггсон – квант поля Хиггса, открыт еще на старом коллайдере. Но реально его исследовать смогли только с появлением нового ускорителя. Бозон недавно хотели переименовать в пандорий, – профессор тихо хохотнул, лукаво пройдясь взглядом по замершим лицам собеседников, – обнаружив некоторую его, хм, неприятную, я бы даже сказал опас-

ную особенность.

Ученый откинулся в кресле и чуть поморщившись надолго задумался, уйдя мыслями в себя.

– Алексей Евгеньевич, – не выдержал Громов, привычным жестом посмотрев на часы, – может, вы уже расскажите нам об этой особенности?

Жан усмехнулся, видя его терзания. Тоже откинувшись на спинку кресла, он сидел в расслабленной позе, не сводя со старших по званию ироничного взгляда.

– Видите ли, наши умозаключения всего лишь теория, не имеющая под собой ничего вразумительного. Итак, – в очередной раз произнес Зиновьев, – если будет создан нестабильный хиггсон, то он станет тоннелем между ложным и истинным вакуумом. В результате этого явления вся Вселенная перейдет в иное физическое состояние, при этом переход для нас будет мгновенным.

На лицах слушателей появилось легкое недоумение, потом они, не сговариваясь, переглянулись. Их взгляд красноречиво говорил о невероятных усилиях, которые они прилагали, чтобы понять рассуждения профессора. Заметив, их озадаченность тот вздохнул.

«Как же вам объяснить?» – говорили его глаза. – В природе все подчинено принципу минимума свободной энергии или проще говоря, любая система стремится занять более устойчивое положение, при котором расходуется минимум энергии, – наконец, произнес он.

– Ну, это все меняет, – буркнул Громов, – стало совсем понятно.

– Возьмем для примера неваляшку, – профессор опять вздохнул. – Кукла стремится занять устойчивое равновесие, при котором сумма сил и сумма моментов, действующих на игрушку равна нулю. Грубо говоря, система, в которой живем мы, теоретически не является устойчивой – будем считать это состояние системы ложным вакуумом. А где-то есть истинный вакуум, там, где напряженность поля Хиггса ниже или темной энергии меньше, или еще чего-то. Предположительно нестабильный хиггсон может «туннелировать» в состояние истинного вакуума, увлекая за собой все.

– Я все-таки не понимаю, как может элементарная частица, какой-то чертов бозон, разрушить Вселенную? – теряя терпение, психанул полковник.

– Ну, как вам объяснить, – покачал головой физик, – ведь это так просто. Представьте себе камешек, застывший на обрыве Эвереста. Его удерживает крохотная песчинка, формируя локальный минимум энергии. Этакую микроямку, в которой и лежит наш камешек. Если привести хиггсон в нестабильное состояние, образно говоря, дунуть на песчинку, то она может сместиться. Тогда для камешка откроется другой минимум энергии – подножие горы. Он рухнет туда, но не один. Падая, увлечет за собой миллиарды таких же камешков и вызовет лавину. В нашем случае границы обвала будут разрастаться со скоростью света, и остановить ее мы будем

не в состоянии. Вот, что такое истинный вакуум.

– Забавно, – наконец подал голос Жан, – они ведь не дураки, сознательно играть с неведомым.

– Конечно же, в то далекое время, на коллайдере небольшой мощности такой эксперимент не представлялся возможным. Сейчас другое дело. Если наши умозаключения верны, то один «кусочек» вакуума «перескочит» из ложного в истинный, потом потянет за собой соседей. Вокруг точки перескока начнет раздуваться шар иного вакуума.

– Ну и что? – не выдержал Громов.

– А то, что границы шара будут разлетаться со скоростью света и на этом наш мир закончится. А волна пойдет дальше – поглощая галактику, Вселенную!

– Но ведь по сути – это цепная реакция, – наконец осознал масштабы офицер.

– Можно и так сказать. Будет Армагеддон, мир просто выключит свет.

– Так все пойдет прахом?

– Не знаю, может, произойдет распыление тел на атомы, может охлаждение Вселенной до абсолютного нуля, а может, хм..., и ничего не произойдет.

– Да уж, – почти одновременно произнесли все трое.

– Профессор, а вы в это верите? – спросил Жан, его брови сошлись на переносице.

Ученый, немного подумав, ответил:

– Честно? Нет...

– Так, ладно, закончили с физикой, перешли к реалиям, – Громов обвел аудиторию взглядом.

Удостоверившись, что слушателей только двое, он продолжил.

– Твоя задача, Иван, выйти на Леруа. Этот жук явно что-то замышляет или уже воплощает. Он подозрителен, и никого не подпускает ближе, чем на пушечный выстрел, но у него есть слабое звено – единственная и горячо любимая дочь – Арин.

Громов по привычке говорил полушепотом, но четко проговаривая слова.

– Как ты выйдешь на девушку – это твоя проблема. Но с ее помощью нужно разнюхать на каком этапе находятся наши «друзья», насколько они продвинулись в разработках нового оружия. Мне нужно все, что может пролить свет на эти разработки: донесения, переписка, рапорты, – серые глаза полковника сверкнули недобрым огнем. – Нам нужны данные с компьютера Леруа, сможешь?

Жан улыбнулся. На его лице не отразилось никаких эмоций, однако, карие глаза стали уже, а с тонких губ исчезла ироничная улыбка.

– Есть, Сан Саныч, – панибратски ответил он Громову, шутливо ему отсалютовав, – бут сделано.

– У тебя хронический сарказм, – зло бросил офицер.

– Зато не заразный, – поправил Жан.

– Все бы тебе хиханьки да хаханьки, – усмехнулся Гро-

мов. – Так, теперь о важном – о деталях работы программного обеспечения. Профессор вам слово.

Ученый положил на стол прозрачную пластиковую коробку. Сквозь тонкий корпус можно было рассмотреть содержимое: мобильник размером с пол-ладони и толстенная инструкция к нему.

– Вот, господин Ворон.

Профессор с гордостью, по-детски погладив свое детище, подвинул коробку Жану.

– У меня уже есть неплохой, – усмехнулся тот.

Полковник осадил его тяжелым взглядом.

– Это наша новая разработка, квантовый компьютер.

Жан с удивлением поднял брови. Квантовые компьютеры, на которые возлагали надежды ученые в начале века, все еще остались громоздкими, и использовались в основном для хранения и обработки большого массива информации.

– Хорошо, что мне с ним делать? – наконец сбросив замешательство и взяв устройство в руку, спросил он.

– Во-первых, его можно использовать в качестве средства связи. У него есть одно замечательное свойство – он реверсивен!

– Да вы что! – хлопнув себя по колену, воскликнул агент. – Я сразу так и подумал.

– Не ерничай, Иван, – покачал головой Громов.

– Ладно, валяйте дальше...

– Квантовые компьютеры практически не потребляют

энергии, вообще не требуют подзарядки!

– Ну, неплохо и что мне с этой информацией делать?

– Этот компьютер будет тебе помощником в перекачивании данных.

Ученый был фанатом своей работы, и гордость за созданное чудо волнами сочилась из него, перетекая в полковника.

– Блин, прям сообщающиеся сосуды, – вполголоса проворчал Жан. – Я надеюсь, вы мне раскроете тайну его работы, – шепотом попросил он.

Громов, еще раз оглядев аудиторию, удивленно спросил:

– А шепотом-то чего?

– Боюсь спугнуть...

Офицер в недоумении поднял брови.

– Сказку... – уточнил агент.

– Ваня, я тебя убью! Ладно, профессор, парень извелся, – полковник выжидающе посмотрел на физика, тем самым давая понять, что готов его слушать дальше.

– Итак, помощь заключается в том, что программы в нем не «запускаются», а «развиваются», обрабатывая все входы и выходы. Подключившись, он за тебя сделает все: распаролит компьютер, так как благодаря космической скорости на это уйдет максимум несколько минут. А дальше в него внесена задача и загружен алгоритм быстрого поиска в неупорядоченной базе данных. Поэтому он найдет все, что нам надо, отбросив ненужное, ну и скачает эту информацию.

Достав из коробки и трепетно покрутив в руках объемную

инструкцию, ученый передал ее молодому человеку.

– Хорошо, а как же эксперименты? Вы тут порассказали..., их же надо остановить, – проявил бдительность Жан.

На его губах вновь играла ироничная улыбка.

– За это не переживай, если то, что ты нам нароешь, окажется все-таки серьезным, эксперименты будут прекращены, верь мне.

Жан вздохнул:

– Oui⁵, летние деньки становятся поистине жаркими!

Неожиданно профессор замер, словно прислушиваясь к каким-то таинственным процессам то ли внутри себя, то ли снаружи. В непонимании происходящего зависли и присутствующие.

Громов бросил на него удивленный взгляд, оглядел зал и сухо спросил:

– Что-то случилось?

Тот поежился, несмотря на то, что в помещении было довольно тепло.

– У меня ощущение, что за нами наблюдают, – ответил Алексей Евгеньевич.

– Это невозможно! – сухо отрезал полковник, но вновь обвел взглядом пустой зал.

Ученый неверным движением поправил спутанные волосы, улыбнулся и смущенным тоном проговорил:

– Показалось, наверное.

Жан усмехнулся.

– Я читал про квантовый мистицизм и эффект наблюдателя. Может это Бог? – для убедительности он ткнул пальцем в потолок. – Мне тоже иногда кажется, что живем мы в виртуальном мире аватарами геймеров.

Канцелярия Творца

По пути в аэропорт Жан анализировал состоявшийся разговор. Раз за разом в его голове всплывали услышанные фразы: «один „кусочек“ вакуума „перескочит“ из ложного в истинный; единственная... Арин; пойдет дальше, поглощая галактику, вселенную...; за нами наблюдают..., наблюдают..., наблюдают...»

Последнее вспомнившееся слово вызвало улыбку. Он, живо представил уставшего Творца, делегировавшего физикам право наблюдателей, а после отправившегося отдыхать от трудов праведных на лазурный берег. Ворон и сам не заметил, как провалился в сон, в который вклинилось вездесущее бесконечное нечто.

И снились ему струи плазмы, вырывающиеся из ядер кварзов, слышал он крик и шепот пульсаров, органную музыку крабовидной туманности... и ... не только...

– Ничтожные создания вторгаются на мою территорию! Ведутся эксперименты, способные уничтожить мир. Мой мир! – шипела Энергия.

Заплясали танцовщицы – звезды. Светопреставление началось. Царство дикой, необузданной энергии ожило. Темная Энергия – это Она, Великая сила и Мощь Вселенной. Отголосками по мирам расползлся страх. Изменилась музыка галактик.

– Великая, мы уничтожим их! Песчинки разнесутся по пространству, – заколыхалась Материя.

– Ты забываешь о великом соглашении! – прошипела Энергия. – Нельзя вмешиваться в ход Времени, мы все уравниваем друг друга. В моей власти лишь слегка повлиять на события, придав им нужное направление.

Великая сила потянулась, растягивая в пространстве орбиты планет, звездные системы, галактики. Гравитация закрутила ткани пространства-времени в спирали.

– Опять испытывают меня на прочность, – загудела она.

* * *

– Приехали! – механический женский голос вклинился в сонное забытие Жана.

Перед его глазами развернулся виртуальный экран с табло вылетов и прилетов, немного дрожащий, как поверхность воды на слабом ветерке.

– До ужаса правдоподобные ощущения! – растерянно пробормотал он, все еще не отойдя от потрясения.

Глава 3

Холодный сквозняк ворвался в раскрытую дверь террасы и заставил окоченевшую девушку проснуться. Она глубоко вдохнула насыщенный запахами трав воздух, натянула одеяло до подбородка и попыталась досмотреть свой сон. Хотелось вновь раствориться в похожем на мечту чудесном видении, рассыпаться в нем. Но оно улетучилось, словно его и не бывало.

– Раз так, то придется вставать, – со вздохом констатировала шатенка.

Уже с утра ее раздражало все: лучики солнца, игравшие на ее лице и заставляющие жмуриться и неприятное ощущение бегающих по телу мурашек, и копна распушившихся волос, не желавших собираться в прическу. Она сердито сопела и хмурилась, пытаясь совладать с непослушными прядями.

– Надоело, соберу-ка я их... – девушка перевела взгляд на стоящую на полке массивную шкатулку.

Она откинула крышку и, присев на край кровати, принялась задумчиво перебирать аксессуары. Неожиданно ее взгляд зацепился за заколку с красной атласной лентой. Она никогда не купила-бы такую вульгарную вещь. Это открытие ее удивило. Зеркало бесстрастно наблюдало за ее ловкими пальцами. Отражение в нем затуманилось.

– Да...красный... – это мой цвет, – отчетливо пронеслось

в ее голове.

Девушка удивленно подняла глаза. Зеркало потемнело, покрылось рябющей, мутной зыбью, как вода в озере, а из его глубины медленно выплывало нечто, поднимая в душе первобытный всеобъемлющий ужас. Заколка выскользнула из ее ослабевших пальцев. Испугавшись собственных ощущений, она схватилась за голову и отшатнулась, тупо смотря на заволаживающий омут, полностью скрывший ее отражение.

Чужой тихий голос вкрадчиво скользнул в сознание, разгоняя остатки мыслей:

– Красный – это цвет жизни. Цвет энергии. Цвет страсти. То, в чем ты сейчас нуждаешься, Арин.

Девушка резко поднялась, сделала два шага к двери, и потеряв контроль над своим телом, осела на пол. Она не сводила глаз с зеркала, круги на котором подрагивали, словно волны, расходящиеся от брошенного в воду камня. Вдруг что-то вынырнуло из зеркального омута и с легкостью устремилось к ней.

В груди возникла колющая боль, будто она попала на рыболовный крючок, а после, под кожей, казалось, вспыхнуло пламя. Чем сильнее оно распалось, тем сильнее конвульсии сотрясали ее тело, искажая смертельной гримасой лицо.

Попавшаяся под руку напольная ваза с пышными цветами перевернулась и залила комнату водой. Вбежала молоденькая горничная и увидев лежащее на полу тело, вначале за-

стыла от изумления, а после не помня себя от страха, бросилась к Арин.

– Мадмуазель! Мадмуазель! – шептала служанка, пытаясь оттащить ее на сухое место, но поскользнувшись, упала сама.

– Боже мой, боже мой...

Из холла донесся голос хозяйки, чопорной мадам Кларис. Чеканя каждое слово, она давала кому-то указания. Страхнув с себя оцепенение горничная неловко поднялась и стараясь не смотреть на лежащее в луже тело, позвала:

– Мадам Кларис! Помогите!

Крик впавшей в истерику, почти обезумевшей от отчаяния служанки заставил хозяйку прижаться к стене и выронить чашку с кофе. Женщина отчетливо расслышала в ее голосе страх. На сердце у Кларис похолодело, а в голове нескончаемой строкой понеслись предположения: «Взломщики? Грабители? Убийцы? Точно! Они!...»

Женщина еще долго бы гадала, не зная, что делать дальше, если бы не подбежавшая служанка. Та затараторила, сбиваясь и проглатывая слова. Немедля ни минуты, Кларис ринулась в комнату дочери, но увидев Арин, вновь впала в тупую прострацию. Ее сознание, словно нырнуло в «кротовую нору».

– Я вызвала скорую! – пропищала за ее спиной горничная.

Кларис судорожно кивнула, а ее губы побелели. Удар обрушился внезапно, но осознание его силы придет позже. Лишь бы не тогда, когда врачи разведут руками.

– Арин... – так же, как и девушка, несколько минут назад, шептала мать, словно боясь ее потревожить.

Но дочь не шевелилась. Солнечные лучи играли бликами на ее влажном лице. Оно казалось по-детски трогательным, беззащитным и спокойным, словно дочь просто спит. Удары собственного сердца гулко отдавались в ушах Кларис. Это был единственный звук в комнате. Единственный. Она вздрогнула и отвернувшись, зажмурилась. Обморочная слабость тошнотой подкатывала к горлу.

Кларис Леруа, аристократка французского происхождения, считала, что болезнь во всех неприглядных ее проявлениях – это удел низших слоев населения. Это слишком сложное явление, чтобы тратить на него силы и внимание. Слишком дешевый способ сделать человека беспомощным и глупым.

Подняв голову, она встретила взглядом со своим отражением в зеркале. На нее смотрела молодая женщина с утонченными чертами лица и приподнятыми к вискам черными глазами. Обеспеченная жизнь и заботливый супруг Антуан Леруа, за горячим, эмоциональным темпераментом которого скрывалось любящее сердце, позволяли ей не думать о жизненных проблемах. Ее гибкий от природы ум, сталкиваясь с проблемой, замирал.

Приехавшие медики обступили Арин.

– Пульс нитевидный, дыхание нарушено, давление падает, срочно нужна вентиляция легких...

Команды врача выполнялись моментально, словно работал отлаженный робот-манипулятор. С бешеной скоростью мелькали приборы, маски, ампулы. Во всей этой кутерьме Кларис стояла одна, ярко одетая и одинокая, утратившая способность видеть происходящее вокруг.

– Не понимаю, – удивленно взлетели брови семейного врача, прилетевшего в особняк со скоростью ветра и пытающегося проанализировать случившееся.

– Доктор, как она? – дрожащим голосом растерянно прошептала мать.

Медсестра вывела женщину в холл, и усадив на диван, впрыснула успокоительное. Когда к ней вышел врач, Кларис несмело подняла на него глаза.

– Девушку нужно госпитализировать, – серьезно констатировал врач.

– Все плохо? – прижав руки к груди, прошептала она.

– Ваша дочь жива, а это главное.

Во избежание новых вопросов врач резко развернулся и вышел вслед за носилками. Ноги Кларис шли сами по себе, преодолевая расстояние от комнаты дочери, до кареты скорой помощи. Навстречу попадалась прислуга, провожающая ее сочувствующими взглядами, но женщина их не замечала. Только мысли, бежали бесконечной строкой, словно живя собственной жизнью.

Чувствуя терзания матери, семейный врач пожал ее руку и доброжелательно сказал:

– Я сам извещу господина Антуана о происшедшем.

Диагностический центр, поликлиника и больница – три в одном, находились всего в паре кварталов от роскошного дома господ Леруа. Его грубая современная архитектура резко отличалась от множества старинных особняков с классическими голубыми и белыми фасадами, располагавшимися в этой части города, в тени роскошных клинолистных платанов и буков. Крылья здания, выполненные симметрично, распластались по двум противоположным сторонам и по двум улицам. Это было огромное приземистое строение, безликое и лишенное каких-либо черт индивидуальности.

Войдя в холл, Кларис потерялась. Запах лекарств, прорывавшийся сквозь ароматизаторы, причинял ей боль. Она ощущала себя чужой в мире форменных хрустящих халатов. Гладкая стерильная поверхность стоек слепила глаза, а расцветка жалюзи и ковров казалась слишком яркой, слишком казенной. Она возненавидела все это.

– Ну, наконец-то я тебя нашел! Где Арин?

Родной встревоженный голос прозвучал за ее спиной. Два противоречивых чувства, как ангел и демон, возникли в ее душе: огромное облегчение, что груз ответственности за происходящее теперь есть на кого переложить, и стыд за это ощущение.

– Не знаю, – не оборачиваясь, ответила Кларис, и обхватив плечи руками, прошептала: – Наверное, в реанимации.

Антуан застыл за ее спиной. Она слышала его прерыви-

стое дыхание, ощущала, как муж борется с охватившим и его отчаянием. Паника, страх, беспомощность, надежда. Они усилились, когда к ним подошел врач.

– Что с ней, доктор? – возбужденно спросил Леруа.

– Пока ничего определенного, я впервые с таким сталкиваюсь, – ответил он. – Все органы в норме, только в районе сердца на коже красное пятно, примерно два дюйма в диаметре. Чем оно вызвано – загадка. Врачи реаниматологи делают все возможное, чтобы вывести ее из комы. Чтобы диагностировать этот случай, подключили международных специалистов.

Кларис расплакалась, как ребенок. Обида за такую несправедливость взяла над ней верх. Она вытирала лившиеся нескончаемым потоком слезы тыльной стороной ладони, забыв о приличиях, пока Антуан не протянул ей платок. Врач, чуть склонив голову, отошел. Потянулись бесконечные часы ожидания.

Глава 4

Антуан Леруа с обреченным видом стоял посреди большой палаты. Прозрачная капсула с телом дочери, напоминала хрустальный гроб, а множество проводов и приборы на каталках довершали печальную картину. Реальность казалась мерзкой и беспросветной, а ее фундамент дал трещину. В палату вошла Кларис и, затаив дыхание, остановилась от него в паре шагов.

– Опять ничего? – обратилась она то ли к врачу, то ли к мужу.

Пробежавшись взглядом по первому листу диагностического заключения, врач погрузстнел и тяжело вздохнул.

– Арин в глубокой коме, – констатировал он. – Причина столь странного ее состояния пока не ясна. Мы делаем все возможное.

– Очевидно, что могли, вы уже сделали, – вышел из состояния транса отец. – Я считаю, что дочь надо перевести в другую клинику, раз вы исчерпали все возможности!

Кларис тяжело опустилась на стул.

– Господин Леруа, – попытался образумить его врач, – сейчас Арин нельзя транспортировать, надо ждать.

– Чего? – вышел из себя генерал. – Вы предлагаете стоять и ждать, когда моя дочь умрет?

– Антуан! – Кларис закрыла лицо ладонями, а ее плечи

затряслись от рыданий. – Не говори так!

В наушнике Леруа пошел вызов входящего звонка, отвлекая его от раздумий.

– Господин генерал, говорит майор Смит, – голос военного был взволнован. – Ученые обеспокоены. Датчики фиксируют признаки дестабилизации. Здесь все говорят о том, что ЭТО может «тунеллировать», ведь до сих пор возможности частицы не изучены.

– Не порите горячку, майор, – отчеканил Леруа, заставив вздрогнуть от неожиданности присутствующих. – Продолжайте наблюдение.

Отключившись, офицер отрешенно уставился в одну точку: «Интересно, смогут они удержать эту мелочь, или мы все превратимся в труху?» – подумал он и, оглянувшись, обратился к врачу. – Я хотел бы услышать ваше мнение о причинах, могущих вызвать такое состояние. Арин ведь не болела!

– Видите ли, кому могут вызвать многие причины – от энцефалита до травмы головы...

– Мне не нужны ваши туманные предположения, мне нужен четкий ответ, – прервал врача генерал. В данный момент его раздражало абсолютно все.

Опустив голову, врач продолжил:

– Анализы и аппаратные обследования не нашли каких-либо патологий или отклонений от нормы.

«Тупик. Это тупик», – думал Леруа, сокрушенно качая головой.

Отвернувшись, он невидяще смотрел в окно, а сознание Арин было далеко от драмы родителей и тщетных усилий врачей. Ее разум, отрезанный от ощущений собственного тела, посылал своей хозяйке невероятно красочные и реалистичные видения.

– Я умерла! – думала она. – Меня везут в царство мертвых.

Ее поразило собственное безразличие. Арин вслушивалась в журчание воды и плеск волн за бортом. Девушка жадно вдыхала свежий, как ей казалось, воздух, а незримый паромщик тихо кряхтел, работая веслами.

Вдруг он затянул страшную песню:

—Плащ на плечах завязан узлом и висит безобразно⁶,
Гонит он лодку шестом и правит сам парусами,
Мертвых на утлом челне через темный поток
перевозит...

От зловещих слов казалось, что ее волосы встали дыбом и она с силой зажмурилась. Арин полностью уверилась в том, что путешествие ее безвозвратно. Но на секунду показалось, что невидимый певец просто над ней издевается.

Сквозь ресницы девушка пыталась разглядеть место, где они плывут, и Харона, который греб размашисто, во всю силу, вызывая своими движениями ритмичный скип уключин. Темнота пещеры, в которой они плыли, навели на нее еще

⁶ Публий Вергилий Марон – поэт Древнего Рима

большой страх.

«Так и есть! Подземное царство мертвых! А я и не верила в это!» – упрекала она себя.

Ее глаза уже достаточно привыкли к темноте и Арин смогла увидеть, что напротив сидит не безобразный старец, как должно было быть по ее разумению. Это обстоятельство настолько порадовало, что она осмелилась спросить:

– Куда вы меня везете?

– Есть к тебе дело, сиди и молчи, – ответил лодочник приятным голосом, но слова, сказанные им, резанули слух.

Арин зашептала:

– Так это и есть Стикс?

Парень усмехнулся:

– Ни слова больше, поняла?

Арин кивнула и по-детски вздохнула. Теперь ее единственное право было молчать, покорно соглашаясь с тем, что приготовила ей судьба. Страх сковал ее по рукам и ногам. С расширенными от ужаса глазами она следила за отлаженными движениями перевозчика. Эта пещера была вне времени.

– Я ж такая молодая! – жалея себя, всхлипнула она.

Арин угрюмо наблюдала за изменениями, происходящими вокруг нее. Вдалеке промелькнул яркий свет. Пещера, наконец, заканчивалась, и любопытство взяло вверх. Темные ее своды остались позади, уступив место безоблачному небу. Ярко-зеленые холмы, подсвеченные весенним солнцем, веселая переключка маленьких райских птичек вселила в нее

надежду.

«Это место не может быть адом!»

Немного успокоившись, девушка перевела взгляд на перевозчика и ахнула. Перед ее глазами было лицо, на которое можно было смотреть с удовольствием. Тонкие, но мужественные черты, спокойные светлые глаза и светлая золотистая борода.

– Вы не Харон! – заключила Арин.

– Слушай, ты можешь немного помолчать? – резко ответил он.

– Но почему я должна молчать?

Парень рассмеялся теплым смехом, показывая крепкие зубы:

– Не слишком ли много вопросов?

– Да вы на них и не отвечаете, – возмутилась несчастная, – везут меня неизвестно куда... – тут она обратила внимание, что надета на ней нелепая светло-голубая накидка. – И что на меня напялили?

Возмущение пересилило в Арин чувство страха.

– Скажите же, наконец, – прошипела она, стараясь плотнее закутаться в сомнительный наряд.

– Тебе все объяснят, наберись терпения, – слегка нахмурив брови, ответил незнакомец.

Девушка поняла – ее жизнь больше ни от чего и не от кого не зависит, даже от себя самой. Она вздохнула и принялась с умным видом смотреть по сторонам. Вокруг царила весна.

На деревьях – яркая, сочная, только что родившаяся и еще не опаленная солнцем зелень. На кустах – шапки розовых и белых цветов. Сидящие на ветках птицы задорно вспорхнули ввысь и скрылись из виду. Всюду звенели их радостные трели. Воздух, казалось, светился и сказочно переливался в водяных брызгах всеми цветами радуги. Арин вздохнула полной грудью и тут нахлынул неконтролируемый приступ безграничной любви ко всему миру.

В этот момент они подплыли к стеклянному висящему в воздухе мостику. Казалось, что от их шагов он просто рассыплется на тысячу осколков. Парень ловко выпрыгнул из лодки и подал ей руку. Страх неизвестности заставил Арин на пару мгновений застыть в ступоре. Не скрывая своего нетерпения, лодочник передернул плечами.

– Твои капризы должны закончиться на этом мосту. С моей госпожой будь вежлива и не задавай глупых вопросов. Отвечай, если она спрашивает. Поняла?

Заинтригованная девушка кивнула.

– Вот и умница, – похвалил ее сопровождающий, – пошли.

Чувство времени исчезло, как и ощущение собственного тела. Ей казалось, еще немного и она, поймав ветерок, взлетит, как те райские птички. Перевозчик решительно вел ее через заросли дикого терновника, образовавшие длинный живой туннель.

Когда молодые люди вышли на лужайку, восторг от открывшегося перед ее глазами величественного зрелища, за-

ставил ее замереть. На самом берегу озера, была устроена увитая лианами беседка. Золотисто-алые головки цветов покачивались от ветерка, словно змеи. Рядом грациозно ходили лани, не обращая внимания на пришедших.

В глубине беседки на белой с золотым орнаментом софе лежала Богиня. Арин это сразу поняла. От мистической неземной красоты незнакомки перехватило дыхание. Холодный взгляд зеленых глаз незнакомки смягчился и на ее лице появился намек на улыбку.

– Здравствуй, Арин, – тихо произнесла она.

При звуке ее голоса смолкли птицы, а лани подняли головы, словно впервые заметив людей. Густой аромат сирени и жасмина напитал пространство вокруг.

– Вы кто? – забыв об этикете, спросила Арин.

Незнакомка улыбнулась шире. Ее глаза стали ярче, а радужка окрасилась в глубокий синий цвет. Забыв обо всем на свете, Арин все глубже и глубже погружалась в этот омут, чувствуя, как ей возвращается ощущение собственного тела. Ей стало все равно жива она или мертва, хотелось остаться здесь с этой сказочной госпожой.

– Я – Венера, – представилась богиня и грациозно поднялась.

Ярко-красный хитон не скрывал изгибов великолепного тела, а тяжелые, отливающие золотом волосы, колыхались при каждом ее движении, как живые. Не касаясь земли, богиня подплыла к Арин и долго кружила вокруг. Перевозчик

сложил руки в молебном жесте и поднял голову к небу.

– А ты ничего, – констатировала красавица, словно оценив породистую кобылу, – не хватает самой малости, но это поправимо.

– Зачем я вам? – приходя в себя, спросила девушка. – Может, это какая-то игра?

– Мы далеки от игры, дорогая, – холодно ответила Венера. – Мне было интересно посмотреть на ту, что выбрала Великая.

– Выбрала? Меня? Зачем?

– Для выполнения миссии, – ответила та после непродолжительного молчания, – тебе все расскажет твое зеркальное отражение.

– Я ничего не понимаю...

– В тебя, внедрена стихия, хм..., моя частица, – глядя подошедшего к ней олененка, сухо ответила Венера: – Думаю, вы поладите.

– В меня кто-то подселен? – Арин замерла, прислушиваясь к себе, и к тому, что в ней происходило.

Удовлетворив свое любопытство, Венера пожала плечами. Окружающая Арин действительность казалось сказочным сном с искусственными пейзажами и загадочными персонажами, стремящимися только запутать. Они могли лишь ходить кругами, гипнотизировать и напускать тумана. Но Арин нужны были объяснения, она в них нуждалась.

– Приветствую тебя, – прозвучал в голове девушки вкрад-

чивый и довольно приятный голос, – называй меня Нирой.
Я – твое Я.

Арин вздрогнула.

– У меня или шизофрения, или я и вправду больна, – неуверенно прошептала мученица, – чувствую себя глупо.

– Не переживай, – пренебрежительно вздохнула богиня, – выполнив задание, Нира исчезнет. Прими это, как должное...

Венера щелкнула пальцами. Все вокруг закружилось. Цвета хаотично перемешались, в ушах звенело, глаза мерзко жгли, словно в них попал перец.

Врач радостно воскликнул:

– Господа, наметилась положительная динамика!

Тело Арин сотрясла судорога. Отреагировали приборы. Кларис рухнула на колени, не в силах произнести слова благодарности богу за чудесное возвращение ей единственного чада. Но встретившись взглядом с дочерью, отшатнулась. Глаза Арин были пусты.

«Я жива? – пронеслось в голове несчастной. – Значит, это был всего лишь сон?»

Канцелярия Творца

Пространство помрачнело. Великая оглядывала свои безграничные владения. Галактики отряхнули наряды, почистили рукава спиралей, звезды взорвались, фейерверком

отправляя пыль в космическое пространство. Несколько Сверхновых приготовились к смерти, самой грандиозной в царстве энергии.

«Великая, эта дань тебе...»

Космический круговорот рождения и распада материи. Шелуха, в которую завернулась звезда, последнее платье обреченной, очень скоро разлетится облаком, даря пространству кальций, железо, кремний, серебро...

Но это всего лишь куколка, из которой родится бабочка – новая планетарная туманность с нейтронной звездой в центре.

«Разбегайтесь братья и сестры, фронт ударной волны сметет на своем пути все, а радиация добьет планеты с песчинками аминокислот, существ, возвращенных заботливым провидением»

– Вот, где ад! – шипела темная энергия.

Пространство потряс термоядерный взрыв.

– Какая яркая смерть!

Материя содрогнулась и заколыхалась. Забили галактические фонтаны. Спаявшиеся воедино атомы, химический коктейль, мощным порывом был выброшен в межзвездное пространство. Материя превращалась в энергию.

Глава 5

Косой дождь зарядил со страшной силой. Ощущение глубокой осени тоской закралось в душу. Казалось, что жизнь по капле уходит из окружающего мира, опустошая реальность. Растущее в душе гнетущее чувство, подобно черной дыре, засасывало. Мир стал безликим и тусклым, ведь жизнь близкого человека зависела от времени больше, чем от надежд.

– Девочка моя, – господин Леруа гладил темные кольца волос дочери, – ты скоро поправишься, и мы опять будем вместе.

Арин с надеждой смотрела на родителей. Постаревшие, осунувшиеся лица, сгорбленные позы и бесконечная надежда в их глазах.

– Да, я снова буду здорова, – ударения на последнем слове не заметил никто.

Но только Арин понимала, насколько ей это необходимо. Одна мысль не выходила у нее из головы: она находится во власти какого-то потустороннего создания, делящего с ней мысли и чувства. Она прислушалась к своим ощущениям. Тишина. Ничто не нарушало ее внутреннего покоя. Остался только подсознательный страх, что вот-вот она вздрогнет от внезапно возникшего голоса в своей голове.

«Эй!» – она решилась позвать свое зеркальное Я.

В голове царила мертвая тишина, точно мозг, утомленный кипучей деятельностью, теперь отдыхал. Арин широко улыбнулась родителям. Эта улыбка стала отражением ее счастья.

«Мне все приснилось!».

Повинуясь слепому инстинкту, она мечтала о единственной возможности спастись – это сходить на исповедь и причаститься. Родители, конечно же, не понимали ее терзаний.

– Скоро приедет Фрэнк, – продолжил ласково отец, – он огорчен твоей болезнью.

– Ты ему сообщил? – отбросив самокопание, забеспокоилась Арин.

Весть, что жених на пороге больно кольнула в сердце. Только сейчас девушка осознала, насколько она для нее неприятна. Отец же, заметив у дочери легкую морщинку, пролегшую на переносице, поспешил успокоить:

– Он не чужой нам человек! Все, что касается тебя, касается и его.

– Ты прав, папа, но я не хотела, чтобы он видел меня в таком виде!

– Глупости! Вспомни – в болезни, в здравии...

– Да, да, да, – обреченно пробормотала она и отвела взгляд от участливых глаз родителя.

Фрэнк Уэлмер – молодая звезда военного ведомства, в котором отец занимал не последнее место. В нем было все: молодость, целеустремленность, огромные перспективы, до-

стойные родители, то, что могло составить блистательную партию единственной и горячо любимой дочери генерала Леруа. Только Арин, поначалу восхищавшаяся бравым военным, сейчас все с большим беспокойством ждала скорой свадьбы. Что-то в нем отталкивало, беспокоило. Но что? На этот вопрос не было ответа. Наверное, она его все-таки не любила.

Время пролетело незаметно, родители нехотя покинули палату. Арин улыбнулась, вспоминая замечательный день. Ведь первый раз за несколько лет они оказались вместе, совсем как в детстве. В душе проснулась светлая ностальгия.

– Арин, ты как?

Знакомый дискомфорт свернулся неуютным клубком в груди. Она с ужасом закрыла рот руками, чтобы не закричать. От резкого движения подушка съехала на сторону и начала постепенно соскальзывать с кровати. Разом исчезло волшебство сегодняшнего дня.

– Значит, все это мне не приснилось, – обреченно прошептала девушка, и, взяв себя в руки, мученически ответила, – пока жива, твоими молитвами.

– Не дождешься. Вы, люди, тешите себя глупыми надеждами, что кто-то за вас молиться станет, да и молиться кому?

– Раз ты существуешь, низшая сущность, значит, существуют и более высокие?

– Ты имеешь в виду Бога?

– Хотя бы...

– «Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь. Который есть и был и грядет, Вседержитель...». Ты об этом?

– Ну? – Арин чувствовала себя глупо.

– Ты слышала такое понятие, как «Множественные Вселенные»?

– У нас сейчас лекция по астрономии?

– Понятно, – хмыкнула сущность, – темное ты существо. Если исходить из того, что бог явился создателем вашей вселенной, то, как быть с другими? Они ведь созданы в разное время, у них разные пространственно-временные характеристики, они живут по другим физическим законам и константам.

Арин молчала, отказываясь понимать рассуждения бестелесной.

– Получается, что Создатель этих вселенных не может быть один. Иначе законы мироздания и существования были бы одни во всех вселенных, да и начало и конец был бы для них один!

– К чему ты клонишь? Что бога нет? – прошептала Арин, словно боясь, что он ее услышит и накажет.

Нира усмехнулась:

– Бог – не старец на облаке. Это Абсолют, это Энергия, плетущая узоры реальности. Ее великая сила пронзает все вокруг – пространство и время, вселенные и параллельные миры, о существовании которых вы даже не догадываетесь.

Расширение, в результате которого образуются все формы жизни: информационные, энергетические, вещественные – это ее произведение. Она творит Мир! А вы, как фрагменты единого колоссального интеллекта, помещены в условия искусственного ограничения. Ей до вас, с вашей мышью возней, нет дела.

– Нет дела?

– До вас – нет, а до пространства-времени – есть, – уточнила сущность.

– Объясни.

– Например, если вы развязали войну и эта война может уничтожить Землю, – Нира хмыкнула, – это ваш выбор и это всего лишь одна крошечная планета с живущими на ней глупыми созданиями. Но, когда вмешиваются в процессы мироздания, пытаясь разрушить ее территорию – это начнет касаться моей Госпожи.

– И тогда она нас уничтожит? – с ужасом прошептала Арин. – Но это жестоко! Неужели твоей могущественной силе нас, людей не жалко?

– Глупая! Чтобы вы жили, звездам пришлось умереть. Смерти звезд – рожают жизнь.

– Ты говоришь загадками.

– «Сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему». Помнишь? Все во Вселенных состоит из останков звезд: водород и гелий – сырьевые материалы Вселенных, азот и кислород – строительные блоки жизни на планетах. А

раздавить вас ничего не стоит. Нужно просто наступить на муравейник, но это значит вмешаться в течение Времени, а время для вас еще не пришло.

– Откуда ты все это знаешь? – Арин вновь ощутила себя беспомощной. Ей стало страшно и тошно, а разум взвыл, как полицейская сирена.

– Я частица той, что прошла через энергоинформационное поле Вселенных, – вещала Нира, не обращая внимания на муки своего носителя.

Наконец тошнота отступила, а голова Арин перестала кружиться. Стало так легко дышать, словно тот булыжник, который лежал на груди, наконец-то свалился. Некоторое время девушка пыталась уложить в голове новую информацию. Получалось плохо. Она с тоской подумала о том, что начинает привыкать к тому, что в ее мысли вклинивается некое существо, возникающее подобно зубной боли. Неприятное, колющее, насмешливое. Умеющее ее читать и высмеивать ее страхи. Арин понимала, что бороться бесполезно, и все эти врачи, современное оборудование, анализы – ничто не сможет вытащить Ниру из ее мозга и избавить от неприятного соседства.

Арин зевнула и перевернулась на другой бок, сон накатывал волнами, пока не погрузил сознание в сладостный омут. Она видела себя со стороны, а рядом стоял незнакомец. Чуть склонив голову, он прошелся по ней оценивающим взглядом. Волна бешеной неудержимой страсти, никогда прежде

не испытываемой, поднялась со дна ее души. Арин ощутила себя жертвой, прикованной его взглядом.

«Пусть этот сон длится вечность!» – просила она и боялась лишь одного: вдруг он оборвется и, может быть, навсегда исчезнет из ее самозабвения.

Ее вернули к реальности два события – писк какого-то прибора над головой и вредный солнечный лучик, скользящий по лицу. Арин открыла глаза. Облокотившись об изножье кровати, на девушку смотрел парень из ее сна. Веселые искорки плясали в ярких, прищуренных глазах. Благородные черты лица, золотистый загар – все это настолько гармонично складывалось в образ рокового мужчины, что Арин, натянув до подбородка одеяло, невольно подскочила.

– Что вам здесь надо? Кто вы? – возмущение, вызванное больше не присутствием красавца в палате, а растрепанным, как ей казалось, собственным внешним видом, вылилось краской на ее щеках.

– Простите, войдя в вашу палату, я позволил себе недопустимое. Но, вы так стонали во сне, – ответил парень, подбородком указав на полуприкрытую стеклянную дверь, – что я решил вызвать ..., однако...

Его мягкий голос музыкой проникал в голову, и чтобы сбросить с себя наваждение от присутствия в палате героя сна, Арин его прервала:

– Вы не ответили на вопрос, кто вы?

– Я ваш сосед. Временно поселен в соседнюю палату. Раз-

решите представиться – Жан Франсуа, – он шутливо поклонился, приложив руку ко лбу, а потом к груди. – Мой профессор решил, что мне надо было бы обследоваться...

– На больного вы не очень-то похожи, – опять перебила Жана девушка.

Белозубая улыбка молнией озарила его лицо, а в глазах заплясали лукавые огоньки.

– Вы же знаете, что нет здоровых людей, есть не дообследованные. Так что? Вызвать сестру?

– Нет, нет! Теперь все хорошо.

Жан, склонил голову набок и наблюдал за ней, словно наслаждаясь ее замешательством. Его откровенно забавлял переполох, который он вызвал своим появлением. Арин же почувствовала какое-то неестественное для воспитанной и благородной девушки желание, чтобы незнакомец остался с ней. Но при этом она испытывала злость на себя и на луч солнца, который не думал уходить с ее лица.

– Конечно, по этикету я не имею права спрашивать ваше имя, – тем же учтивым тоном продолжил он, виновато улыбаясь, – но раз этикет я уже нарушил...

– Арин. Арин Леруа, – выдавила девушка.

– Какое замечательное имя и к тому же редкое. Я никогда не встречал девушку с такими сказочными глазами! Вы фея?

– Глаза, как глаза, а ваш подхалимаж очень уж явен, – проворчала Арин, пытаясь погасить бушевавший в ней огонь.

– Ярко-зеленые глаза такая редкость и это не подхали-

маж, — обиделся молодой человек. — Вы, видно, давно не смотрелись в зеркало.

— Господи! — испуганно воскликнула Арин и бросилась в туалетную комнату. — Зеркало, где зеркало?

То, что увидела Арин, чуть было не лишило ее сознания. Карие глаза изменили цвет. На нее смотрела растрепанная девушка с яркими глазами оттенка зелени ранней листвы. Бледные губы дрожали, а на щеках проступал нездоровый румянец. Арин схватилась руками за стенки раковины и тяжело дыша, опустила голову.

— Ничего удивительного, это всего лишь признак присутствия посторонней сущности, — успокоила Нира, — у тебя это проявилось так.

Отдышавшись, Арин вновь посмотрелась в заветное стеклышко. Не сводя взгляда, она рассматривала в своем отражении каждую черточку — длинные шелковистые волосы, выходящие от природы; точеный, чуть вздернутый носик; пухлые губки и ослепительной белизны зубки. Она обладала всем, что можно желать от женщины, по крайней мере, от ее физического облика.

— Вы как? — вернул ее к реальности мягкий мужской голос.

— Да, очевидно, я давно болею, совсем забыла, как выгляжу.

— Все бы больные так выглядели, — застыв на пороге, хмыкнул молодой человек.

— Очевидно, мы с вами, исключение, — придя в себя, съяз-

вила Арин.

Вернувшись в палату, она улеглась и вновь натянула плед до подбородка. Но не тут-то было, их идиллию нарушила вошедшая медсестра.

– Мадмуазель Леруа, вам бы поесть, а в девять часов принять лекарства, – тараторила она на ходу, но заметив в палате постороннего, строго спросила: – А вас кто сюда впустил?

– Это мой гость, – как-то поспешно вступилась за парня Арин.

– Я не хочу обременять вас своим присутствием, – начал откланиваться посетитель, – приятного аппетита.

– Мы могли бы позавтракать вместе, – предложила девушка, заливаясь краской от нелепости этой фразы.

Арин испытала досаду от вылетевших слов, но ее не оставляло ощущение, что она чего-то упускает.

Взяв себя в руки, она обратилась к медсестре:

– Принесите завтрак мсье Франсуа сюда!

«Что я делаю? Как можно вести себя подобным образом? Я его вижу первый раз в жизни! – кричал рассудок Арин. – Откуда этот огонь? Частица Венеры? Понятно. Та-ак, взяли себя в руки, ...взяли себя в руки, раз, два, три...»

Официальный безапелляционный тон сделал свое дело. Медсестра ушла выполнять приказание, а девушка, закончила внутренний отсчет и бросила взгляд в сторону молодого человека. Жан был крайне доволен. Он неторопливо прошелся по палате взад-вперед, заложив руки за спину. Ступал

он неслышно. На мгновение Арин показалось, что в палату выпустили большого пушистого кота, который решил подремать в солнечных лучах, пряча нос в мягких лапах.

— Арин, спасибо! Это утро я буду вспоминать, как самое... неожиданное.

В его взгляде, жестах и словах не было того детского восторга, с которым общались с ней другие парни. Этот мужчина был слишком идеален, слишком уверен в себе. В его присутствии Арин испытывала комплексы, никогда не проявляющиеся раньше. Расслабление сменялось напряжением, стоило ему лишь коротко взглянуть на нее. Красноречие в мыслях выливалось в робкие ничего не значащие фразы. Она чувствовала себя маленькой девочкой, впервые увидевшей симпатичного мальчика, который не стремился ее завоевать. Который не использовал ни одной модной схемы соблазнения, стремясь покорить очередной пункт в записной книжке. Он не боялся быть самим собой и абсолютно не беспокоился, какое впечатление у нее сложится о нем.

Молодые люди завтракали и общались, как старые друзья. Солнце, вытеснившее непогоду, ярко освещало пространство палаты. Зайчики продолжив свой танец, заглядывали в глаза и заставляли жмуриться. Арин давно уже не ощущала себя счастливой, будто веселящий газ вместо кислорода несколько дней поступал в ее легкие. Внутреннее напряжение спадало, уступая место беззаботности, умиротворению и оптимизму.

Жан от души хохотал вместе с ней, невольно заставляя любоваться прищуром его глаз и белоснежной улыбкой. Жонглировал двумя апельсинами, ловко подбрасывая их в воздухе. Показывал фокусы из салфеток, заставляя их исчезать в его ладонях и появляться из кармана светло-синих больничных брюк. Загадывал загадки, в которых не было отгадок.

Девушка едва успевала утирать слезы от смеха, но все хорошее имеет свойство заканчиваться. В палату вошел бравый военный. Правда, он был не в форме, но выправка и дорогой костюм, безупречно сидевший на тренированном теле, выдавали в нем немалый чин. Взгляд, брошенный на веселое застолье, не оставлял сомнения в ошибке, которую допустили присутствующие, решив устроить утренний «пикник».

– Арин? Отец сказал, что ты в коме, – вместо приветствия неуверенно протянул вошедший.

Жан едва сдержался, чтобы не прыснуть от смеха. Девушка две секунды назад уплетала за обе щежки булочки с клубничным вареньем и смеялась над охотничьей байкой.

– А вы, простите, кто? Что вообще здесь происходит? – закипел посетитель, не дождавшись мгновенного ответа.

Первой опомнилась Арин. Она вскочила, закрывая нового друга.

– Фрэнк? Френк! Ты здесь? Утро доброе! – натянув вежливую улыбку, поздоровалась она. – Отец сказал, что скоро ты приедешь, но я не думала, что так...

Стараясь сохранять улыбку, она сделала несколько шагов к гостю. Жених. Фрэнк. Приехал. Эти три слова вспыхнули в создании вместе со строгим образом отца. Он возлагал на него большие надежды.

Мужчина заключил ее в крепкие объятия. Зарывшись носом в волосы на макушке, прошептал:

– Душа моя, ты как-то изменилась.

Арин зажмурилась. Нира, оживившись, принялась наперебой предлагать варианты ответов. Один другого краше: «брови побрила», «отдохнула на межгалактическом курорте по горячей путевке», «выпила эликсир молодости от надежных поставщиков греческих провинций» и «О, милый, я вас всех разыграла!»

Арин едва сдержалась, чтобы не рассмеяться, а вслух ответила:

– Все в порядке, правда.

– Ты стала еще прекрасней, – продолжал бормотать Фрэнк.

Арин отстранилась, поняв, что жених начнет ее целовать при Жане. Почему-то в присутствии нового друга это показалось ей неуместным.

– Фрэнк, познакомься – это Жан. Жан Франсуа, сосед по несчастью. Жан – это Фрэнк... мой жених.

Жан отметил ее колебание и про себя хмыкнул. Поднявшись, он направился в сторону двери. Остановился и поравнявшись с Фрэнком чуть склонил голову. Они оценивающе

посмотрели друг на друга. В глазах Фрэнка теплота сменилась льдом. Соперник. У него появился соперник. Тела мужчин напряглись.

Поняв, что дуэль, причиной которой явилась она, уже началась, Арин поспешно спросила:

– Фрэнк, я думаю, что завтра буду уже дома. Ты видишь, что беспокоиться не о чем, все страшное позади. Отдыхай. Ты возвратился из командировки?

Жених перевел взгляд на девушку.

– Да, – после некоторой паузы ответил он, – даже вещи еще в машине.

– Давай я тебя провожу.

Взяв его под руку, Арин потащила парня из палаты. От улыбки начинали болеть скулы. Она вновь чувствовала себя глупой, уязвимой и расстроенной. Скомканное прощание с Жаном, эта раздражающая неловкость Фрэнка и отчетливо читающееся на его лице недоверие, косые взгляды медицинского персонала в коридоре – все это с каждым мгновением ухудшало ее настроение. Она поймала себя на желании бросить руку Фрэнка и сбежать обратно, в комнату с солнечными зайчиками, булочками с клубничным вареньем и заразной мужской улыбкой, научившей ее сердце радоваться.

– Я действительно очень устал, – говорил по дороге Фрэнк, словно не чувствуя настроение невесты, – командировка, какая-то неудачная.

Опустив глаза, Арин чувствовала, как он на нее смотрит.

Его взгляд прожигал насквозь, вызывая раздражение и стыд. Она злилась на себя за эти чувства, и злилась на него за то, что он их вызвал. Они угнетали и заставляли страдать.

Возвращаясь в палату, Арин с ужасом осознала, что Фрэнк – не тот человек, с которым ей хотелось бы разделить горе и радость. Облокотившись о косяк двери, она лихорадочно пыталась разобраться в бушевавших в душе чувствах.

Загораживая оконный проем, Жан смотрел в окно. Солнце скользило по его фигуре, подсвечивая контуры. Такой желанный, такой солнечный.

«Я ведь его не знаю», – ее сознание пыталось защищаться от нахлынувших чувств.

Словно почувствовав присутствие девушки, гость обернулся.

– Откуда ты такой взялся? – обреченно прошептала она.

– Из соседней палаты.

Девушка покачала головой, чувствуя подступающие слезы.

– Откуда ты такой взялся?

Она поняла, что пропала.

Глава 6

У господина Леруа, безупречного во всех отношениях офицера, имелась одна скверная привычка, которая могла свести с ума человека, вынужденного ежедневно с ним общаться. Он считал себя умнее других и всегда правым. Завтрак в кругу семьи в это утро был исключением из правил. Обычно генерал пропадал на работе, Кларис бы крутилась, как белка в колесе между салонами красоты и бутиками, а дочь была предоставлена бы самой себе.

– Папа, – неуверенно произнесла Арин.

– Да, девочка моя?

«С чего бы мне начать?» – лихорадочно думала она, а ее мозг начинал кипеть от неудержимых эмоций.

– Папа, ты давно не рассказывал нам о своей работе, чем ты сейчас занимаешься? – решила она.

– С чего вдруг тебя заинтересовала моя работа? – отец в недоумении посмотрел на дочь.

– Что ж тут удивительного? Ты постоянно пропадаешь в лаборатории. Твои подопечные уже что-то открыли?

Антуан пренебрежительно вздохнул:

– Ну, как тебе сказать... все, что могли, открыли уже давно. Сейчас нужно приручить эти, хм..., открытия.

– Ты говоришь о них, как о животных, – Арин отложила вилку в сторону.

– Да, можно и так сказать, только они пока не хотят приручаться.

– Папа, скажи честно, я ведь чувствую, что происходит что-то страшное – твои бесконечные звонки, тревога в глазах. С чем вы играете?

Пристально глядя на дочь, он нахмурился, пытаясь взять себя в руки и не испортить утро. На миг Арин ощутила себя крохотной букашкой. Кларис же пребывала в недоумении и не решаясь вступить в разговор, переводила взгляд то на нее, то на мужа.

– Девочка моя, физика – это чертовски веселая штука. Элементарные частицы, которые наши ученые стремятся обуздать, могут нам дать безграничную власть.

– Власть над кем?

– Над всем миром, – в голосе отца послышалось едва сдерживаемое раздражение.

– А не обернется ли крахом такая власть? – допытывалась дочь.

– Арин, что происходит у вас с Фрэнком? – перевел разговор Леруа.

– Ничего не происходит, – отмахнулась она.

– Я же вижу, что ты стала его избегать.

– Я его не люблю, – наконец-то она набралась смелости.

Немая сцена, случившаяся после ее слов, выглядела необыкновенно комично. Открывшиеся рты у родителей наглядно свидетельствовали об искреннем удивлении и откоро-

венном непонимании. Раздражение отца достигло точки кипения. Он отшвырнул от себя салфетку и впился взглядом в нахмуренное лицо дочери. Кларис приложила ладонь к груди. В ее глазах застыл ужас. Арин понимала ее состояние – в идеальном мире матери все должно находиться на своих местах, и любое нарушение установленных правил вызывало у нее панику.

– Так, – решительно отреагировал Антуан, с трудом подавляя желание устроить не продолжительный, но бурный скандал: – Что намерена делать?

Комната застыла в парализующей тишине.

– Девочка моя, ты в своем уме? – справившись с волнением, прервала затянувшуюся паузу мать. – Мы ведь сделали все приготовления к свадьбе!

Отец добавил:

– Твои капризы просто неуместны! Люблю, не люблю. Фрэнк – достойный кандидат в мужа, военный с хорошими перспективами, ты будешь за ним, как за каменной стеной.

– Родители! – вспыхнула Арин. – Вы меня-то услышите! Для тебя папа, клан солдафонов – это самое надежное, что может быть в жизни, но в ней встречаются и другие достойные кланы с хорошими перспективами!

Возрастающее недоумение в глазах родителей требовало разъяснений.

– Вы забываете об одной мелочи. Я достаточно состоятельная, деловая женщина, и выходить замуж без любви, да-

же за «достойного» кандидата, не намерена.

– Знаешь, дитя мое, – обреченно вздохнула Кларис, – может, ты и права, но жених-то знает о твоём решении? У тебя что, кто-то появился?

– Фрэнк... пока не знает, – уклончиво ответила Арин, понимая, что общение с женихом постоянно откладывалось, но это не могло длиться бесконечно. – Я поговорю с ним. А что касается второго вопроса – то да, я встретила мужчину, он стал для меня самым дорогим человеком на свете, – она мечтательно закатила глаза.

Некоторое время родители молчали, погружившись в размышления. Отец допил кофе и смотрел на свои сложенные вместе ладони, словно мысленно читая молитву. Он не был набожным человеком, но в этот момент Арин чуть в это не поверила.

– Ладно, с Фрэнком объяснишься, – подытожил отец свои размышления, – и желательно, не откладывая, а вот с «дорогим» человеком мне хотелось бы познакомиться.

Тон отца не предполагал обсуждений, и привычное «хорошо, папа», явилось логическим завершением семейного завтрака.

Два часа спустя Арин и Жан встретились в парке. Алая роза на длинной ножке переключалась в её руку.

– Я тебя очень ждал.

Арин не была низкого роста, но подходя почти вплотную, поняла, что едва достаёт макушкой до плеча Жана. Те-

ло пловца с широкими накачанными плечами и узкой талией обтягивала черная майка. Простой «прикид» – майка и джинсы – благодаря идеальному обладателю смотрелись сногсшибательно. Он действовал на нее как наркотик: знаешь, что прикасаться к нему нельзя, но, когда видишь его, устоять невозможно и зависимость только усиливается. Чтобы как-то отвлечься Арин перевела взгляд на окружающую зелень.

Июнь не поленился раскрасить клумбы разноцветием. В теплом воздухе пахло дождем. Утренний туман рассеялся, обнажая устремленные далеко в небеса башенные шпили и крыши домов. Жизнь вокруг парка кипела, стремилась, бежала, суежилась, не оставляя горожанам ни единого шанса на то, чтобы остановиться и отдышаться. Ценность каждого мгновения возросло многократно, конвертируясь в валюту нового времени.

Арин отвернулась от городской суеты, а он засмотрелся на ее задумчивый профиль.

– Ты, как всегда обворожительна, – прошептал Жан, нагнувшись к ее уху.

– Ты тоже, – как-то вылетело, само собой.

– Здесь недалеко моя квартира, – неуверенно начал он: – не могу удержаться, чтобы не пригласить тебя на чашку чая или кофе. Держу пари, ты такого никогда не пила.

Неловкость прошла. Арин взяла Жана под локоть, и они неспешно пошли по тенистой аллее, разговаривая о пустя-

ках: фильмах, книгах, новых телепроектах, виртуальных семьях, статьях об устаревших ценностях.

Дома в этой части города утопали в зелени деревьев. Современный мегаполис исчез, уступив место тихим улочкам с маленькими кафешками и детскими городками. Арин окунулась в мистическое блаженство, а присутствие удивительного человека рядом заставляло ее астральное тело парить на уровне черепичных крыш двухэтажных старинных зданий. В этот момент она словно оказалась в мире, созданном специально для них двоих. В мире, в котором каждая деталь была наполнена трепетом и любовью. В мире, в котором все происходит так, как нужно только им.

Оказавшись в квартире Жана, девушка неловко застыла на пороге.

– А у тебя тут славно, – восхищенно сказала она.

Старинная роскошь, поселившаяся в особняке ее родителей, напрягала и давила. Здесь же царила молодость, отражающаяся во всем пространстве, довольно большой и богатой квартиры. Просторные комнаты с перегородками из матового стекла отражали внутреннюю свободу хозяина квартиры. Стеллажи и кажущиеся невесомыми полки из эбенового дерева на светлых стенах. Небрежно брошенное на темный диван кремово-серое покрывало. Однако, несмотря на дорогую обстановку, квартира казалась нежилой, словно здесь был музей, а не уютное жилище, в котором бы чувствовалась рука женщины.

Откуда-то донеслась музыка, и чужая песня окутала пространство гостиной.

*...Break it up, break it up, break it up,
Break it up my love.
If you think that you can't stay with
me Break it up my love...*

При звуках музыки Арин остановилась. Она удивленно прислушивалась к вихрю чуждых ей, страстных и негодующих слов, словно это произведение было невиданным чудом.

– Хм, какие неприятные слова: «Порви со мной, любимая», – констатировала она.

– Мой тебе совет, не пытайся анализировать. Редко, когда к хорошему мотиву прилагается еще и хороший текст. Почувствуй песню в целом.

– Я никогда ее не слышала.

– Немудрено, эта песня ретро, боюсь даже представить, сколько ей лет – группа «Scooter». У них была в основном энергичная музыка, а эта... – не желая вдаваться в лирику, Жан неопределенно махнул рукой и отправился варить кофе.

С тех пор, как он познакомился с Арин, его душу раздирали внутренние переживания. Вначале девушка представлялась ему красивой игрушкой, равно как и многие другие особи женского пола. Чаще всего они подходили под «единый стандарт», являя собой собирательный образ, который

успел уже порядком надоесть. Пустые глаза, отрепетированные движения, уловки, неистовое стремление очаровать, соблазнить, удержать. В уме женщин буйствовала некая всеобщая мода, нацеленная на завоевание и уничтожение мужской индивидуальности – агрессивная, бескомпромиссная, безапелляционная. Она диктовала каждой встреченной им на пути девушке свод жестких правил, отклониться от которых было для них не приемлемо.

Иной раз Жан ради развлечения ломал эти правила, и наблюдал за их растерянностью. Хищная сила – сила льва в прайде, давала ему неограниченную власть над ними. Он играл, исследовал, развлекался, не прикасаясь душой к очередной «охотнице».

Но, общаясь с Арин, парень стал принимать ее, как близкого и очень необходимого ему человека. Выбросить «игрушку», как он выбрасывал их раньше, уже не представлялось возможным. Однако вырисовывающаяся гигантская проблема, которая их и сблизила, сейчас Жана тревожила. Он захотел оградить Арин от опасности любой ценой. Ведь во все передряги, которые наверняка произойдут, будет втянута и она.

Арин казалась ему более, чем смышленной девушкой. В ее лице и характере он улавливал очень искреннюю, уютную, греющую сердце теплоту. Он оценил ее умение искренне смеяться, сопереживать так ненавязчиво и деликатно. В их сумасшедшем мире это казалось фантастическим.

– У тебя много сертификатов по психологии, – переключила его мысли пришедшая на кухню Арин.

Сердце Жана сжалось то ли от переполнявших его чувств, то ли от страха ее потерять. Но он потрянул головой, сбрасывая сомнения и томительные размышления. Работа начала делать его сентиментальным.

– Мне эта наука облегчает жизнь. Общение с людьми – дело тонкое, – с некоторой грустью ответил Жан и, перекинув полотенце через руку, с видом услужливого гарсона передал чашку Арин. – Ваш кофе!

– Какой аромат! – принимая из его рук крохотную фарфоровую чашечку, воскликнула девушка.

Она с удовольствием пила напиток, а он вспоминал былое, словно заново переживал прошедшие события в памяти. Ему захотелось навеять ностальгию и с головой уйти из реальности в грезы.

– Кофе – это мой любимый напиток, причем приготовленный по старинке, без современных извращений. Например, самый вкусный эспрессо я пил в Риме, а капучино – в Сингапуре...

– Ты так вкусно рассказываешь, – мечтательно закатила глаза Арин. – Путешествуя, я не обращала внимания на кухню и напитки, больше лазила по старинным развалинам.

– Каждому свое, – пожал плечами парень.

Они стояли бок о бок у белой барной стойки. Арин вдыхала витающий в воздухе аромат, впитавший в себя дух вос-

поминаний о былых странствиях. Запах напитка, смешиваясь с древесно-пряным ароматом туалетной воды Жана, будоражил чувства и эмоции.

– А можно еще? – не желая прощаться с моментом, подавившим истинное наслаждение, попросила Арин.

– Конечно! Но не увлекайся, напиток крепкий и ночью будешь бродить по своему замку, как приведение.

Девушка рассмеялась:

– В нем уже обитает одно привидение – мой отец, я даже не представляю, когда он спит.

– М-да, не многие могут позволить себе не спать ночами. Он не работает?

– Сразу видно, что ты с ним не знаком. Работа – это главное в его жизни! Он пропадает там днями, а ночами – бродит по дому. Его явно, что-то тревожит.

Арин отмахнулась от навязчивой мысли.

– Могу предположить, что он ученый, – усмехнулся Жан, – и очень скоро землян ждет потрясающее открытие.

– Военный, но работает с физиками, – ответила она, и ощутив, что в их компании незримо присутствует третий, перевела разговор: – Так будет, наконец, кофе?

Девушка отвернулась и принялась с интересом разглядывать венецианские маски комедии дель арте. Выстроенные в ряд черные и золоченые лица из пластика молчаливо взирали на гостью. Красная лента, подхватывающая кудри, приковала внимание Жана. Его рука сама потянулась к украше-

нию, освобождая локоны из плена.

– Прости, не смог удержаться.

Каштановый блеск рассыпался по ее плечам. Арин, как тряпичная кукла оказалась в его объятьях. В этот момент разум отключился, остались только первобытные инстинкты. Льву нужна была только эта львица... сейчас... навсегда...
Время остановилось.

Когда часы восстановили свой бег, и Арин, получила желанную чашку кофе, Жан произнес странную фразу:

– Знаешь, а эта лента мне уже снилась.

Виновница происшедшего снова была в его руках. Арин подняла брови. Не слишком ли много мистики стало в ее жизни?

– Сон. Последнее время меня мучает странный сон. Девушка, как-то очень уж похожая на тебя, с красной лентой в волосах, космический корабль...

Молодой человек говорил медленно, будто вспоминая детали, а его прищуренные глаза неотрывно смотрели на Арин. Было очевидно, что он все больше и больше поражается своему открытию.

Сон...

Он видел девушку с зелеными глазами. Тяжелые локоны опускались до ее талии, их сдерживала только алая лента, странно-яркое украшение на фоне мрачно-серых стен каюты с тусклыми светильниками. Он видел себя, заслонившего собой соседний отсек.

– Приближаемся. Датчики зафиксировали искривление пространства, возрастает вибрация, – прервал тишину каюты механический голос, – начинается трансформация.

Нежная улыбка, осветившая на мгновение лицо незнакомки, начала расплываться и затуманиваться.

«Наконец-то свобода...» – радовалось его подсознание.

Их телесная оболочка стала распадаться на атомы. Вырвавшиеся на свободу мизерные сгустки энергии закружились, завертелись в непрерывном хаотичном танце.

– Мама, прими нас в свои объятия!

Темная энергия обернулась на зов...

* * *

Жан ушел в себя, словно наяву переживая то, что видел во сне.

– Невероятно, ведь во сне была ты, твои зеленые глаза в зеркале! Этого не может быть! – удивленно проговорил он.

– Почему же? – с улыбкой ответила она.

– Тогда тебя я еще не знал! Дежавю?

– Говорят, что такое бывает, – растерянно пробормотала Арин.

Будто все еще пребывая, под впечатлением воспоминаний, Жан продолжил:

– Но знаешь, что странно? Мы приблизились к черной дыре. Тела разлетелись на атомы, а наши энергетические

субстанции, слишком уж весело устремились в космическое пространство, словно возвращались домой.

В голове у Арин раздался короткий смешок:

– Вы – аватары трехмерной симуляции и как персонажи компьютерной игры, состоящие из пикселей, не в состоянии понять устройство, на котором эта игра запущена. Ваши тела – картонная упаковка, а то, что в ней спрятано, уйдет когда-нибудь к нашей Госпоже, – пояснила сущность.

Арин смущенно отхлебнула остывающий напиток.

– В самом деле невероятно, – прошептала она и громче добавила, – знаешь, если раньше я скептически относилась ко многому в этом мире, то сейчас, пережив странные метаморфозы с моим организмом, могу поверить в самое фантастичное.

– Странно в этом сне то, что он повторяется.

Арин отставила чашку, вплотную подошла к Жану и взяла его за руку.

– Сон больше не будет тебя тревожить, ведь сегодня я из него вышла.

Сильные руки сжали ее тело, и вновь она отчетливо ощутила свою невесомость и нереальность настоящего. Только мысль, вихрем врезавшаяся в сознание: «Я его безумно люблю!», на миг вырвала ее из небытия.

Глава 7

В томной слабости и неге Арин спросонья потянулась.

– Я проспала целую вечность! – тихо прошептала она и приоткрыла глаза. – Эй, подруга, отзовись...

Ее чудесное настроение не мог испортить даже поселившийся в голове дух. В комнате Арин была одна, и нежиться в мягкой постели можно было бесконечно. Из распахнутой настежь двери на террасу дул теплый ветерок. Цветы в огромных напольных кадках распространяли пьянящий аромат, который смешивался с запахом смолы и трав. Совсем рядом с окном, сидя на кусте, маленькая птичка самозабвенно выводила залиvistые трели.

Квартира Жана располагалась, как и особняк родителей, вдали от смрада мегаполиса, где из окна открывался чарующий вид на парк.

– Знай, ты не испортишь мне мое утро, – прикрыв глаза, прошептала Арин.

Но судьба распорядилась иначе...

– Рано, – вкрадчиво, не понятно к чему прошептала Нира.

– Учти! Сегодня никакого мрака! – нарочито строго приказала девушка. – Лучше послушай, как поет пернатое чудо на террасе. Интересно, что это за птичка?

Сущность опять исчезла, растворилась, словно ее и не было.

– Скажи, – решила Арин на вопрос, – когда я лежала в больнице, то видела интересный сон...

– Ты про Венеру?

– Угу, – буркнула она.

– Это был не сон!

– Да ладно!

– Мифы рождаются из жизни.

Лаконичность собеседницы ее удивила.

– Да, что говорить, существуют другие миры, иные формы и уровни жизни. Существа из «зазеркалья» могут отлично вас видеть, слышать, а вы даже не догадываетесь о таком наблюдателе, – сжалась над ней Нира.

– Ты хочешь сказать, что богов, выходцев из другого мира, видели земляне, и о них сложились легенды?

Сущность смолчала. Арин опять потянулась. Перед ее мысленным взором, как голограмма сформировалась фигура Жана. При виде ее Арин задохнулась от нахлынувших чувств, но усилием воли заставила себя остаться в кровати.

– Подожди, не торопи меня, – пожурела она Ниру, – молодой человек должен почувствовать мое отсутствие, соскучиться...

– Ну, ну, – был ответ.

– Слушай, – пыталась удовлетворить свое любопытство девушка, – ты ведь все знаешь? У нас с Жаном есть будущее?

Арин, сделала глубокий вдох и казалось, перестала дышать.

– Что было? Что будет? Чем сердце успокоится? Реальности меняются, – сухо ответила бестелесная.

– Это как?

– Все зависит от мыслей и поступков людей, а они порой непредсказуемы. Бывает, что человек думает одно, говорит другое, а делает третье.

– Я не понимаю твоих намеков.

– Предположим, что Жан сегодня поставит тебя перед выбором: либо пойти на компромисс и поступиться своими принципами, либо остаться при своей незапятнанной репутации и потерять его. Как бы ты поступила?

Пытаясь представить ситуацию, заставившую ее, поступиться принципами девушка надолго задумалась.

– Я уверена, что Жан не может так со мной обойтись. Нет, такой выбор я не приму.

– Вот видишь, – усмехнулась Нира, – от одного твоего решения может измениться реальность. Поэтому рано ставить тебя перед таким выбором! Так, чего ты хочешь?

Только Арин уже не знала, что хотела бы услышать: правду или ложь.

– Ты меня озадачила. Выбор, какой-то... принципы, сегодня моя Нира загадочна. Я просто хотела узнать свое будущее и Жана в нем, а ты нагородила.

– Скажу, как есть – чинная, размеренная, может немного скучная семейная жизнь тебя ждала бы с Фрэнком – дом полная чаша и дети.

– А Жан? – она спросила шепотом, окончательно теряя желание нежиться в мягкой постели.

– Если я скажу, что счастье ты обретишь с его зеркальным отражением, через много лет, ты согласишься?

Изумление Арин перешло в не менее искреннее недоумение:

– Что ты такое говоришь?

– Все! – подытожила сущность. – Подумаешь об этом завтра! И вообще, пора уже знакомить Жана с твоим отцом! – и забившись в самом отдаленном уголке ее мозга, замолчала.

Запах свежих круасанов, топленого молока и кофе разнесся по всей квартире ароматной будоражащей волной. Арин накинула мягкий халат и немного постояла перед зеркалом, радуясь своему отражению. Ее зеленые глаза сверкали, влажные губы блестели. Охваченная невыразимым томлением она зажмурилась.

– Жан, – прошептала девушка, а потом ловким движением рук, собрала пышные волосы в хвост. – Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать, – промурлыкала она детскую считалочку и отправилась на поиски любимого.

Всплески воды указали ей направление. Пройдя через кухню, она вышла к бассейну и замерла. Для разминки Жан выбрал баттерфляй. Слаженность движений завораживала. Сконцентрированная сила, исходившая от него, заставила Арин внутренне сжаться в сладостной истоме. Она вновь оказалась в мечтательной атмосфере иной реальности. В ми-

ре, созданном только для них двоих. В мире, окруженном запотевшими матовыми стеклами бассейна, где умиротворяющая тишина нарушалась всплесками воды.

Жан подплыл к бортику. Отдышавшись, он поднял глаза на застывшую в дверях девушку. Некоторое время они смотрели друг на друга, после чего он отвернулся. Выходя из воды, мужчина отстраненно пригласил на ее завтрак. Волна непонимания и стыда пронзила отравленной стрелой тело Арин. Она как сомнамбула шла следом, не понимая происходящего.

Поведение Жана изменилось столь резко, что, казалось, ее оглушили, а картина реальности закачалась. Сердце бешено билось, отдаваясь в висках ноющей болью, а глаза защищали от навернувшихся слез.

По дороге накинув на себя халат, Жан вошел на кухню. Он взъерошил свои темные волосы и они, влажно поблескивая в лучах утреннего солнца. Присев на краешек стула, Арин едва смела дышать. Он же молча, ходил от барной стойки к столу, расставляя чайные приборы. Девушка прикрыла глаза, чтобы не видеть его фигуру, пересекающую раз за разом солнечный лучик.

Закончив с сервировкой, Жан, небрежно развернув принесенный роботом-доставщиком пакет с вкусностями, опустил взгляд на замершую девушку.

– Арин, мне нужно с тобой поговорить, – остановившись возле барной стойки, как-то официально, с паузой после

каждого слова произнес он.

Выражение его глаз оставалось холодным и загадочным.

– По твоему виду я это уже поняла, – сдержанно отозвалась Арин.

Вступление оказалось неожиданным. Она почувствовала, как горячая волна залила ее щеки румянцем.

– Если бы все было так просто.

Жан подошел к ней, и чуть склонившись, ухватил ее за подбородок, заставляя посмотреть в глаза. Арин почувствовала, что дрожит. Ей приходилось прилагать усилия, чтобы справиться с нервозностью. Долгий и томительный взгляд – глаза в глаза. Тихое неровное дыхание.

«Чего он ждет? Почему молчит?»

Очевидно, что внутри Жана шла нешуточная борьба.

– Наша встреча – не случайна, – начал он и не договорив, прислушался к настойчивому верещанию мобильного браслета. Минута колебания – и, извинившись, Жан заставил себя посмотреть на высветившийся экран, а после направился в сторону спальни.

– Здравствуй, Иван, – задумчиво-ироничный тон Громова заставил его напрячься.

– Прослушиваете?

– Хм, не доверяешь старому солдату, – в голосе начальника прозвучала искренняя обида. – И правильно делаешь...

– Сан Саныч, но ты же обещал! – Жан не знал, раздражаться ему или смеяться.

Он явственно ощутил присутствие полковника рядом. Су-
ровое лицо, серые стальные глаза... Он даже почувствовал
аромат его любимого табака.

– Ну, я много чего кому обещал, – спокойно продолжил
Громов, – а ты молодой, горячий, за тобой нужен глаз да глаз.
Ясно, что ты далеко продвинулся, но любовь в «нашем» деле
только мешает. Ты начинаешь делать глупости.

Жан услышал на «том конце провода» щелчок зажигалки.

– Ты же знаешь, что такое со мной впервые. Девушку
нельзя втягивать в наши дела, но и потерять ее я тоже не мо-
гу, уже не могу.

– Сейчас слишком рано откровенничать! – оборвал его
Громов. – Твоя цель – ее отец. Постарайся попасть к ним в
дом, познакомиться, понять расположение комнат и его ка-
бинета, что самое главное, только после этого будем думать,
как поступать дальше.

– Ты считаешь, что брать Арин в помощники не стоит?

– А есть ли у тебя уверенность, что после твоего рассказа
она захочет иметь с тобой дело, ведь ты вражеский агент.

– То, что я ей дорог – это я знаю точно, а все остальное,
хм...

– На что ты рассчитывал, пытаясь сейчас раскрыться? Ты
действительно думаешь, что она, услышав о твоих намере-
ниях, с восторгом кинется тебе на шею и начнет предлагать
свои услуги?

– Сан Саныч, я все понял. Помнишь, ты обещал отпустить

меня, когда я сам этого захочу?

– Парень, ты мне как сын, на этот раз я говорю тебе вполне серьезно – отпущу, слово офицера.

– Так вот, эту игру я доиграю, а дальше мне надо идти своим путем. Хочется верить, что нашлась моя попутчица.

– Договорились, а сейчас придумай что-то другое. До связи.

Атмосфера немного разрядилась. Жан невольно улыбнулся, вспомнив ироничного офицера, а потом, покачив головой, пробормотал:

– Пират ты, Громов! Абордажным крюком прямо в сердце!

После томительного разговора Жан продолжал сидеть на кровати, тупо уставившись в стену. Арин, подождав, какое-то время постучалась в спальню.

– Что-то случилось?

Жан усадил ее на колени и распустил ее волосы.

– Они у тебя такие красивые.

Сейчас ему больше всего хотелось уткнуться в этот каштановый шелк волос, и послать все к черту – и полковника Громова, и ускоритель, и Антуана Леруа (Арин – прости). Да пусть все катится в тартарары. Жан с тоской вспомнил свой сон, когда сгустки энергии, оторвавшиеся от их тел, весело закружились в танце, отправляясь в бескрайнее пространство космоса.

– Ты что-то хотел мне сказать?

Его улыбка была обезоруживающей, Арин с нежностью погрузила пальцы в его волосы. Несколько минут назад стены, и мебель плыли у нее перед глазами. Все рушилось под ощущением давящего на нее взгляда.

– Мы с тобой знакомы всего месяц, – отреагировал Жан, – но у меня ощущение, что я тебя знаю уже много лет. Может, переедешь ко мне?

Арин даже зажмурилась, чтобы взгляд не выдал внутреннего ликования.

– Мне придется поговорить с родителями.

– Прекрасно! Мы сможем сделать это вместе.

Начало дня Арин немного изумило, немного расстроило, но все закончилось огромным, невообразимым облегчением. Ей не хотелось думать о том, что чуть было, не нарушило их установившийся хрупкий мирок.

Глава 8

Арин понимала, что пока не поставит точку в отношениях с Фрэнком, не сможет представить Жана родителям и не сможет начать новую жизнь. Необходимость этого разговора угнетала, ведь приглашительные на свадьбу уже были разосланы, наряды куплены, дизайнеры, и устроители торжеств начали активно предлагать варианты убранства, выбранного для свадебного торжества парка.

В последнее время Фрэнк под разными предлогами отказывался от «семейного» ужина в доме Арин. Он понимал, что молния зигзагом прорезала и без того призрачные отношения между ними. Всеми приготовлениями к свадьбе с упоением занимались мамы молодых, для них это было и развлечением, и ностальгией. Совместная деятельность их очень сблизила. Как две подружки, они восторгались или ужасались предлагаемыми к свадебному торжеству скатертями, тарелками, драпировочными тканями и прочей важной для женщин мишурой.

Отцы молодых, потягивая виски, обсуждали ситуацию в мире. За общими разговорами они могли провести не один час. У двух старинных родов был мир и покой, одна проблема – молодые не хотели вписаться в этот чинный и мирный распорядок, в их распорядок жизни.

Арин быстро шла по узкой аллее парка в сторону дома.

Голова гудела, и быстрая ходьба должна была привести мысли в порядок. Ее взгляд упал на находившийся в отдалении и окруженный раскидистыми деревьями собор. Она и сама не поняла, как очутилась в глубине храма. Скамеечки, золотой алтарь, мраморные колонны, запах ладана – все это повергло Арин в оцепенение.

– Господи, помоги, – прошептала она, молитвенно сложив руки, – как-тяжело-то...

Подруга в голове подозрительно затихла. В памяти Арин начали всплывать картины детства и обрывки давних событий. Фрэнк был их неотъемлемой частью.

– Может, Нира права? И планомерная, размеренная жизнь – это то, что мне нужно? А как же любовь?

Вопросы сыпались один за другим, опережая друг друга. Звон колоколов прервал ее размышления и вернул к действительности. Арин решительно развернулась и активировав нейроинтерфейс, отправила сообщение жениху:

– Фрэнк, мне нужно с тобой поговорить!

Соединение установилось почти мгновенно.

– Арин, давай после выходных, у меня «маглев»⁷ через три часа.

– Нет! Сегодня и точка!

Не прошло и минуты, как он сдался под ее танковым напором.

– Хорошо детка, до встречи, – бросил обещание жених и

⁷ Транспортная система, построенная на принципах «магнитной левитации».

«отбился».

Ее встретило многолюдье вокзального перрона с шумом приветствий и прощаний. Это было гигантское здание, напоминающее узорчатую воронку с арочными перекрытиями, с приглушенным разноцветным освещением, движущимися панелями на стенах, то там, то сям возникающей 3D-рекламой, сквозь которую шли толпы суетящихся пассажиров, с многоступенчатой навигацией по уровням и направлениям вокзала.

Взгляд Арин упал на молодую пару. В глазах незнакомки читался страх заблудившегося ребенка, в его – пустые обещания и клятвы. Их встреча на перроне – последняя в их жизни. Это было понятно всем, обращающим на них внимание, кроме самой девушки, цепляющейся за руку любимого, как за соломинку. Арин глубоко вздохнула. Чем больше понимаешь, что происходит, тем меньше понимаешь, что твориться. Странная штука жизнь.

– Ну, здравствуй, – знакомый металл в голосе прервал ее размышления, – так чего ты хочешь?

– Может, присядем?

Фрэнк кивнул. Неожиданно для себя Арин сделала неприятное открытие – вечно собранный, всегда контролирующий себя жених, по сути, никогда ее не любил. Он запрещал себе любые проявления нежных чувств. А его поведение в больнице было скорее исключением, чем правилом.

Перебравшись в тень зонтиков на террасе верхнего этажа

вокзала и заказав себе кофе, молодые люди посмотрели друг на друга.

– Итак, я слушаю тебя, Арин, – спокойным, чуть уставшим голосом, начал Фрэнк.

– Давай начистоту, – собравшись, выпалила Арин, не обращая внимания на растущее недоумение в глазах жениха. – И ты, и я реально понимаем, что наши отношения зашли в тупик. Сейчас мы уже практически не общаемся, но при всем при этом приближается день нашей свадьбы.

– Но ты моя невеста и на эту свадьбу дала свое согласие, – Фрэнк покачал головой.

Выражение его лица было непроницаемым, по нему невозможно было определить, о чем он в данный момент думает. Однако Арин знала – он был готов к грядущей теме их разговора. Знал и подготовился.

– Фрэнк, ты на сто процентов прав, но посуди сам, многолетнее давление родителей, мечтавших нас поженить, не оставило нам выбора.

– У взрослого человека выбор есть всегда. Еще месяц назад ты воспринимала нашу свадьбу, как событие почти свершившееся. Что произошло теперь?

– Фрэнк, я с опозданием осознала, что не люблю тебя, и наша семейная жизнь не сможет сложиться по определению. Желания наших родителей – это всего лишь их желания, а моя вина в том, что я позволила им так далеко зайти.

Лицо молодого человека по-прежнему ничего не выража-

ло. Было реальное ощущение, что напротив сидит биоробот, запрограммированный на определенные реакции и убеждения. Арин же ощущала себя актрисой из дешевой мелодрамы. Закралась предательская мысль о том, что раньше она глубоко заблуждалась насчет Фрэнка. Машина. Без души и сердца. Совершенная машина, задающая стандартные вопросы:

– Встретила другого?

Арин опустила глаза. Сердце вновь колотилось как обезумевшее. Совсем, как тогда, как в то утро, с Жаном.

– Ты с ним встречался в больнице, – выдавила она.

– Интересно, – Фрэнк усмехнулся и приподнял левую бровь, – мы знакомы с тобой не один год. Дружба, детство, клятвы. Все, как в сериалах, верно? И по закону жанра ты, дорогая моя, предпочла призрачное счастье с малознакомым человеком?

– Я знаю его совсем недолго, но мне с ним хорошо и спокойно...

Фрэнк ее перебил:

– Но ты его совсем не знаешь! Кто он? Откуда?

Арин вздрогнула от его тона. Ожидая ответа, жених впился в нее взглядом. В его глазах полыхал гнев, а вокруг, казалось, расходились волны огня и жара. Она ощутила скрытую провокацию, единственной целью которой было загнать ее обратно в угол. Подавить традициями то новое и неизведанное, куда она стремилась всей душой.

– Наш разговор зашел в тупик, что ты предлагаешь? – пытаюсь взять себя в руки, заключила она.

Арин нервно теребила ремень сумки. Разговор не складывался. Сегодняшняя цель, поставить точку в отношениях и с чувством выполненного долга идти по жизни дальше, не получалась. Фрэнк, словно специально оттягивал этот момент. Только зачем?

– Послушай, Арин, не делай глупость, я тебя... люблю, – прежде, чем произнести последнее слово, она уловила секундное колебание. – Давай не будем причинять боль родителям. У нас с тобой много общего. Совместная жизнь нас сблизит, я не хочу тебя терять.

Девушка уже не скрывала своего гнева. У Фрэнка явно включилась другая программа. Ощущение того, что она – актриса из дешевой мелодрамы, усилилось.

– Не предполагала, насколько ты сентиментален. Мои родители по-прежнему будут относиться к тебе, как к сыну. Если, расставшись со мной, ты боишься потерять расположение моего отца – не бойся. Ведь мы росли вместе, ты мой друг им и останешься, несмотря ни на что. Давай уже сейчас поставим крест на нашей свадьбе и разойдемся, как в море корабли.

– Понятно, что ты все уже решила. Насильно мил не будешь, – Фрэнк, посмотрев на часы, заторопился. – У меня скоро отправление, итак прощай?

В его словах был вопрос, но он уже не ждал ответа. Офи-

цер поднялся и резко развернулся, как на строевой. Потом, что-то вспомнив, кинул через плечо:

– Да, чтобы ты себя не утруждала, я сам поговорю с родителями. Им нужно все объяснить, и это будет не просто.

– Я надеюсь, что они поймут.

Он пожал плечами, словно его это не волновало. Арин еще долго смотрела в спину удалявшегося жениха. Любой девушке он был бы и защитой, и опорой. Единственный сын богатых родителей, холеный и лелеянный, в нем идеально сочеталось прекрасное воспитание, военное образование, сильное тело и голос, привыкший отдавать приказания.

– Он далеко пойдет, – прошептала Арин.

Она поднялась вслед за женихом, чтобы пойти совсем в другую сторону. За спиной остался вокзал – перроны, приветствия, прощания, арочные перекрытия, разноцветное освещение.

Однако расслабляться еще было рано. Арин знала, что просто так родители не сдадутся, да и предстоящее знакомство Жана с отцом так же не вселяло надежду на скорое разрешение всех проблем. Подъезжая к дому в сумерках Арин разглядела темно-бордовую спортивную машину матери Фрэнка. Войдя в холл, она встретилась взглядом с Кларис. Ее глаза были как у лани, затравленной волчьей стаей. Мать была бледной, ее пальцы подрагивали, а темно-серое платье казалось траурным.

– А мы с Элеонор тебя дожидаемся, – сказала она тихо.

– Назревает гроза? – не понятно к чему спросила девушка.

Но Кларис утвердительно качнула головой. С приходом дочери у нее упал с души нелегкий груз. Женщина вообще старалась избегать неприятностей, благо обеспеченная жизнь и заботливый супруг избавляли ее от любых проблем. Отмена уже столь очевидной свадьбы – это же катастрофа, неподъемная для ее душевного равновесия. Кларис чувствовала, что последствия скажутся на ее здоровье длительным недомоганием.

– Арин, девочка моя, – кинулась к ней Элеонор, – неужели правда то, что мне рассказал сын?

В глазах женщины явно читалось: «Ты только попробуй сказать мне, что это правда». Арин неожиданно для себя отметила, что Фрэнк унаследовал ее взгляд – цепкий, стальной, пронзительный. Девушка перевела дух. Да, нужно сказать так, как есть. Или сериал, как выразился бы несостоявшийся жених, мог бы неприлично надолго затянуться.

Вошла служанка, сообщив, что накрыт столик на веранде. Ее появление позволило Арин собраться с силами и настроиться на тяжелый разговор. Она молча проследовала за женщинами. Пока суежилась прислуга, велись нейтральные разговоры-беседы, но стоило им остаться наедине, женщины вперили в Арин испепеляющий взгляд.

Та неловко улыбнулась и спешно, почти скороговоркой выпалила:

– Элеонор, мы с Фрэнком не любим друг друга, а поже-

нившись, обрекли бы себя на безрадостное существование.

– Но мы же живем! – почти хором воскликнули мамы, и не сговариваясь переглянулись.

Кларис, попытавшись смягчить сказанное, произнесла, усугубив и так нерадостную картину:

– Стерпится и слюбится!

Элеонор взяла инициативу в свои руки.

– Арин, мы хотели сказать, что любовь – это чувство, придуманное писателями, подумай сама ведь надо как-то существовать в этом мире. Почитаешь пару-тройку любовных романов и живешь мечтами о принце всю оставшуюся жизнь. В нашем мире все по-другому, клановость – это семейные традиции, воспитание, продолжение нашего древнего рода. Чувства между мужем и женой должны быть, я согласна, но на порядок выше – например, уважение, поддержка, взаимовыручка.

Арин в протесте тряхнула головой.

– А вам никогда не хотелось просто любить?

Женщины, как роботы синхронно пожали плечами. В их мире брак и любовь были несовместимы. Они существовали раздельно, да никто и не жаловался.

– Какой ты еще ребенок, – сочувственно покачали они головами.

– Я не хочу жить так, как прожигаете свою жизнь вы. Я хочу любить и быть любимой, как бы смешно с вашей точки зрения это не звучало.

– И ты надеешься все это найти? – Элеонор недоверчиво покачала головой. – Знаешь, такого я еще не встречала, в тебе сейчас говорит юношеский максимализм.

– Вам просто не повезло, – отмахнулась девушка. – Я уверена, что буду счастлива.

– Знаешь, милая, ты нас очень расстроила, – отступила Элеонор и словно потеряв к ней интерес, она обратилась к Кларис: – Одно радует, что можно еще успеть извиниться перед приглашенными.

Слово «радует» было произнесено с саркастической ухмылкой. Демонстративно отставив чашку с чаем, и невзирая на уговоры хозяйки остаться на ужин, Элеонор поспешила распрощаться. Со двора послышался визг срывающегося с места спорткара.

– Кажется, все, – обняв свои плечи, устало прошептала Арин.

– Все только начинается, – вторило ей зеркальное Я.

Голова Арин слегка кружилась от ощущения освобождения из-под гнета прошлого и постоянной склонности ее к послушанию. Прозрачный вечерней воздух приятно охлаждал ее разгоряченное лицо и ерошил волосы. Подвернув полы широких брюк, она перешла по высокой влажной траве между прудами к парку. Хотелось затеряться здесь между сосен и бродить, вдыхая их смолистый аромат. Едва она вышла за ограду парка, как услышала за спиной быстрые и шаги. Еще не повернувшись, она почувствовала приближение Жана.

– Надо же! Как ты меня нашел? – радостно отреагировала она, немедленно протянув ему руку.

Парень улыбнулся своей загадочной улыбкой.

– Ты меня недооцениваешь, – он сгреб ее в охапку. – Денек удался?

Девушка почувствовала неловкость, словно он проник в ее душу и мысли, а следом разлилась нежность. Все же умел он сделать так, чтобы и она улыбнулась.

Уловив перемену ее настроения, Жан предложил:

– Пойдем ко мне? Нужно же отпраздновать твое освобождение.

Его улыбка была озорной, мальчишеской. Разом схлынули все негативные эмоции и страхи.

– Пойдем! – радостно отозвалась Арин.

Девушка не помнила, как они оказались за празднично накрытым столом, словно все события дня Жану были известны заранее. Молодые люди взахлеб, перебивая друг друга, делились сегодняшними приключениями. Они, казалось, замкнулись в своем маленьком мирке, в котором было место только для двоих. Жан любовался ее нежным румянцем, огромными яркими глазами с длинными ресницами и каштановыми кудрями.

Он взял Арин за руку и привлек к себе. Бессознательно, подчиняясь непреодолимому желанию прижаться к ней так близко, чтобы почувствовать, как бьется ее трепетное сердце. Он целовал ее так, будто ждал этого момента всю свою

жизнь. Но в эту же самую минуту он презирал и ненавидел себя за то, что его намеренная манипуляция может принести эмоциональный дискомфорт или вред Арин. Это новое для него чувство раздирало душу, и тупик внутреннего конфликта заставлял сильно страдать.

Совсем недавно он не раздумывая загонял свою жертву в угол, не давая ей возможности опомниться и осознать, что происходит и особо не задумывался о ее чувствах. Для него важна была верность присяге и долг перед родиной. Теперь же он и не заметил, как сам стал заложником любви, которая меняла все правила игры.

К ночи страсти улеглись, и молодые люди задремали, наслаждаясь теплом тел. Но сны бывают разные: короткие и длинные, странные и страшные. Морфей уносил сознание Жана из мирской суеты в глубокую черноту космоса.

* * *

– Мы приближаемся..., возрастает вибрация..., приготовиться к трансформации... Телесная оболочка начала распадаться на атомы, которые под прессом гравитации вытянулись в макароны. Вырвавшиеся на свободу мизерные сгустки энергии, радостно закружились в танце. Что-то темное, бесконечное, великое смотрело на них с интересом. Было безумное ощущение, что их рассматривает незримый биолог под микроскопом, как амеб, уложенных на предмет-

ное стекло.

– Как же эти сущности ничтожны! – был вынесен вердикт Творца.

В сознании пронеслось:

– Так вот, что такое Бог!

Волны энергии хлыстом пробили космическое пространство, всколыхнув миллиарды звезд. Один лишь вздох темного великана сорвал их с орбит, а вращающиеся шары черных дыр спрутом потянули к ним щупальца. Черные демоны вселенной, великие и могучие чистильщики.

– Еда-а-а, – энергетическая мощь демона сглотнула в предвкушении лакомства.

Одна звезда оказалась слишком близко к горизонту событий. В этот момент дикая, необузданная сила гравитации схватила и деформировала несчастную. Она растянула ее настолько, что светило разорвалось на части, а черная дыра принялась поглощать невезучую. Бесконечная боль агонизирующей звезды вспышкой рентгеновских лучей пронзила просторы вселенной. Предел прочности на то и предел.

Шестиграммовые энергетические субстанции задрожали. По сравнению с этим бесконечным могуществом, с живыми галактиками и звездами – они ничтожны, как те, растянутые под действием мадам гравитации в макароны атомы. Ужас от вселенского могущества и гигантских масштабов окружающих их божьих творений потрясал.

Однако и они попали под действие гравитации космиче-

ского демона: их закружил водоворот турбулентности, затягивая в горлышко черной дыры, соединяемой с пространством-временем другой вселенной. Вращение было безумным даже для таких мизерных сгустков энергии, какими были они.

Бешеный лифт, мчащийся с миллионного этажа вниз, возвращал их в ту вселенную, откуда они были родом, странники это отчетливо знали. Яркий свет, на который мчал их лифт, ослеплял. Земля, такая прекрасная и родная, приближалась с сумасшедшей скоростью.

– Сейчас нас расплющит!

– Ты уже не человек, ты всего лишь мизерная энергетическая субстанция.

Зелень деревьев, шушukaющие в ветре листья, аромат цветов – все это стало отчетливой реальностью, наполняющей радостью измученные и испуганные путешествием сознания. Контакт с землей, словно тебя выплюнуло гигантское животное, отразился болью во всех частях тела, но радость от этой боли была безмерной. Мы дома!

Жан открыл глаза и безумно уставился в потолок своей комнаты. Его сознание еще блуждало в пространстве-времени. Он тяжело дышал. Как следствие пережитого ужаса на лбу выступила испарина. Но радовало то, что он лежал в своей постели, а все пережитое, было лишь страшным, безумным сном.

– Жан, что с тобой? – взволнованный голос любимой вер-

нул его в реальность.

Приходя в себя, он поморгал и поднялся.

– Какой мерзкий... – мужчина тряхнул головой, словно пытаясь вымести вон последние крохи ночного наваждения. – Помнишь, я рассказывал тебе о своем сне и трансформации тел?

– Но это всего лишь сон! – горячо возразила Арин.

– Я ощущал все слишком реально! Распад, полет и ...его взгляд, – Жана вновь передернуло от ужаса.

– Его?

– Бога, наверное...

Глава 9

С утра Арин была сама не своя. Сегодня предстояло знакомство Жана с родителями. Томительное ощущение, что его визит может закончиться неудачей, не покидало девушку ни на минуту. Выйдя из своей комнаты, она услышала голос отца, громко и резко отчитывающего кого-то невидимого. Словно почувствовав, что разговор стал достоянием окружающих, генерал Леруа с силой захлопнул дверь кабинета.

«Что там происходит? – удивилась Арин. – Я никогда не слышала, чтобы отец так разговаривал с подчиненными».

– Он всего лишь пытается уничтожить мир, – отреагировала сущность на ее мысленный вопрос.

– Нира, ну пожалей меня, – взмолилась Арин, – я не в состоянии тебя понять!

– Все дело в амбициях тех, на кого работает твой отец, – пояснила сущность, – и в экспериментах ученых.

Девушка ощутила странные метаморфозы, происходящие с ее телом. Она видела себя со стороны, вжавшуюся в стену с расширенными от удивления и ужаса глазами. Ее астральное тело повисло рядом, напоминая надутый гелием шарик, колыхающийся от легкого дуновения сквозняка.

– Иди! – не поясняя, скомандовала Нира.

Но Арин ее поняла.

– Кабинет ведь закрыт!

Нира усмехнулась.

– Иди сквозь стену!

– Как?

Девушка почувствовала, как ее призрачное тело, словно слепого котенка, схватила рука неведомого великана, и бросила на зримую преграду. От испуга она машинально вытянула вперед руки, которые прошли сквозь стену, не встретив препятствия.

Кроме отца в кабинете находился незнакомый ей офицер.

– Майор Смит, вы плохо справляетесь со своими обязанностями, – распекал Леруа подчиненного.

Офицер протянул генералу бумаги. Его уверенный вид говорил о том, что тот не согласен с выводами начальника.

– Вот отчет Федеральной службы по поводу скоропостижной смерти господина Родригеса. Самоубийство. Группа, которую он возглавлял в полной растерянности и...

– Не рассказывайте мне сказки, – жестко прервал его генерал, – им хорошо платят за работу. Сейчас не то время, чтобы самоубиваться.

Офицер покачал головой и нахмурился.

– Простите господин генерал, но ученые в растерянности, я сказал бы больше, они боятся продолжать работу. Физики не могут «укротить» частицы. Если начнется цепная реакция, то мы все исчезнем. Несколько ученых собрались уезжать, сказав, что лучше они останутся без работы, чем сознательно ввергнуть планету в Армагеддон.

Последние слова майора ввели Арин в ступор, и все то, о чем умалчивал отец, открылось ей в неприглядном свете.

– Нам надо их уговорить продолжить работу! – отчеканил Леруа, с ударением на слове «уговорить». – Вы должны придумать действенные аргументы!

Непререкаемый голос отца и командный тон, не терпящий возражений, отражал высшую степень его гнева. Он знал только слово «надо», вместо «хочу» или «попробую». Явно затевалось то, что может привести к драматичным последствиям.

Кабинет открылся так внезапно, что Арин, вернувшаяся в свое физическое тело, едва успела отскочить. В образовавшемся проеме девушка видела резко очерченный профиль отца, твердый подбородок и напряженную спину. Он стоял лицом к окну, заложив руки назад. Майор безмолвно посмотрел в его сторону и, развернувшись, вышел в коридор.

Арин схватила служивого за руку и потащила в парковую беседку. Офицер был несколько обескуражен, однако послушно шел за ней. Окинув взглядом окошки дома, чтоб удостовериться, что никто их не видит, Арин спросила:

– Майор, я невольно стала свидетелем вашего разговора. Все эти эксперименты с ускорителем могут привести к концу света?

- Мадмуазель, я вас не понимаю, – сухо отреагировал он.
- Поверьте, мой вопрос – не праздное любопытство.
- Мадмуазель, спросите у господина Леруа, я всего лишь

солдат, выполняющий приказ старшего по званию и в данный момент уже опаздываю.

– Послушайте, мне надо понимать, о чем умалчивает отец.

– Для чего?

Но вместо ответа она крепче сжала его локоть, устремив на удивленное лицо офицера взгляд умоляющих влажных глаз. Офицер был обескуражен. Он поминутно озирался по сторонам, не зная, как поступить. Понизив голос до шепота, она повторила просьбу.

Майор еще раз обвел взглядом прилегающую к беседке территорию и тихо сказал:

– Мадмуазель, сам ускоритель не представляет опасности, однако если с его помощью дестабилизировать некоторые частицы, то образуется шар иного вакуума. Я, возможно, не так понимаю этот процесс, но именно этот шар предполагается использовать в качестве совершенного оружия. Он сможет «заглотить» вражеские территории моментально, без взрывов. Не нужны будут роботы, самолеты, войска, подводные лодки и прочий металлолом. Но проблема в том, что этот процесс не контролируем, и вакуум начнет заглатывать все остальное. Желания, амбиции правительства и военных пока превосходят возможности физиков.

Офицер понимал, что сказал много лишнего. Но отступить было уже поздно.

– Знаете, многие из нас склоняются к тому, чтобы написать рапорт об увольнении. Для меня, видимо, настало вре-

мя!

Вызволив руку из цепких пальцев застывшей девушки, он, попрощавшись коротким кивком головы, стремительно пошел по аллее к выходу. Арин еще долго стояла в беседке, укладывая в голове полученную информацию.

«Что делать?» – спрашивала она себя.

– Поговори о своих страхах с Жаном, – вкрадчиво ответила Нира.

Арин понимала, что военное ведомство, в котором отец играл не последнюю роль, не откажется от заманчивой перспективы получения такого фантастически мощного оружия. И тогда страшно представить, что произойдет. Если опасная игрушка попадет не в те руки, может случиться непоправимое.

– При чем тут Жан? – мысленно отмахнулась она.

Неожиданно ее обхватили за плечи сильные руки. Арин вздрогнула.

– Жан! Ты напугал меня! – воскликнула она.

– Прости, я думал, что ты меня ждешь?

Девушка была зажата в тиски объятий, из которых даже не пыталась вырваться. Ей в этот момент стало так хорошо и спокойно, что, закрыв глаза, она с радостью уткнулась в его грудь. Сердцебиение успокаивалось, в висках стихал шум. С появлением Жана прежний мир стремительно восстанавливался исцеляя.

– Не отпускай меня, пожалуйста, – обреченно прошептала

девушка.

– Что у тебя стряслось? – забеспокоился он.

– Я просто соскучилась, – игриво улыбнулась Арин, – утром не ем, думаю о тебе. В обед не ем, думаю о тебе. Вечером не ем, думаю о тебе. Ночью не сплю, кушать хочу!

Девушка попыталась пошутить, но шутка получилась вымученная.

– Я вижу, ты расстроена, – заботливо прошептал молодой человек.

«Если бы ты знал! Если бы ты мог помочь!»

Душа ее рвалась на части, комок в горле мешал говорить.

«Хватит причитать! – остановила ее мысленный поток Нира. – Расскажи ему! Он сможет найти решение, я это знаю!»

«Нет, это семейное дело, я не могу его впутывать» – мысленно взбрыкнула Арин.

«Я тебя никогда не подводила и сейчас уверена, что нашу проблему он сможет решить», – Нира была непреклонна.

Жан устремил задумчивый взгляд на лицо Арин.

– Нет, у тебя определенно что-то стряслось.

Она встряхнула головой, пытаясь отогнать навязчивые мысли и поправила упавшую на глаза непослушную прядь.

«Не сейчас! Не стоит говорить о том, в чем сама не уверена», – подумала она, а вслух сказала: – Пойдем, нас уже заждались.

Господа Леруа – отец и мать Арин – уже начинали нерв-

ничать. Непунктуальность для генерала была самой отвратительной чертой и Арин это знала. Войдя с Жаном в гостиную, где их ждали родители, она остановилась и сбивчиво воскликнула:

– Виновата, задержала Жана в парке. Там черные розы расцвели, представляете? – она знала их слабости и на этом играла.

Прикуривая трубку, отец сдержанно кивнул.

– Папа, мама, разрешите вам представить – Жан Франсуа.

Глаза Леруа сузились и почти скрылись за табачным дымом. Мать с улыбкой протянула гостю руку.

– Приятно познакомиться, Кларис.

Жан осторожно взял ее пальцы своими, слегка склонился над рукой и коснулся губами. Такая старомодная форма приветствия несколько смутила. На ее щеках вспыхнул румянец.

– Вы очень галантный молодой человек, – неловко улыбнулась Кларис.

Леруа старательно делал вид, что ему глубоко безразлично происходящее в комнате.

– Рад знакомству, – высокомерно бросил он.

Едва сдерживая вздох облегчения, Арин потянула Жана к дивану и, дождавшись, пока парень сядет, опустилась рядом, а в воздухе повисла неловкая пауза.

Генерал задумчиво дымил трубкой, выпуская кольца дыма, а Кларис застыла в напряженной позе, сцепив руки в за-

мок. Арин переводила взгляд с родителей на Жана, пытаясь придумать тему для разговора. Мать пришла ей на помощь, пригласив всех к чайному столу. Он стоял возле окна, с которого открывался вид на цветущую аллею. Арин запоздало подумала о том, что кто-то мог видеть, как она расспрашивала молодого офицера, и как он после их разговора почти бегом бросился к воротам. Тревога, угнездившаяся в душе, усилилась.

– Итак, молодой человек, – начала Кларис, – чем вы занимаетесь?

Жан улыбнулся широкой обезоруживающей улыбкой. Щеки Кларис вновь покраснели. Ей было неуютно рядом с таким ярким и жизнерадостным человеком, который одной улыбкой, будто высмеивал ее строгость и чопорность.

– Я работаю в Национальном центре научных исследований, а сейчас пишу диссертацию.

– Восхитительно! Никогда не встречала ученых, – наигранно воскликнула мать, но голос ее заметно дрогнул.

– О чем же диссертация, если не секрет? – включился в разговор генерал.

– Отчего же? – Жан вновь широко улыбнулся: – «Психологическая безопасность личности в кризисных ситуациях жизнедеятельности».

– Так вы психолог, – разочарованно протянул Леруа, демонстративно потеряв интерес к гостю.

Мгновенно подхватывая нить разговора, Кларис сочув-

ственно покачала головой:

– Арин говорила, что вы познакомились в больнице. Вы болеете?

Эта фраза показалась неуместно смешной. После нее молодые люди опустили головы, стараясь спрятать произвольные улыбки, а в глазах заплясали веселые чертики.

– Что же тут смешного? – обиделась мать. – Ты же сама говорила про профессора, который отправил молодого человека на лечение.

– Простите! – сразу посерьезнев, ответил Жан. – Это все Кевин Франсуа, отец, несмотря на мои протесты заставил пройти обследование.

После этой фразы Леруа озадаченно посмотрел на парня, словно увидел его впервые. В его глазах зажегся неподдельный интерес. Генерал отложил трубку, а Жан, нисколько не смутившись, продолжил рассказ:

– Я собирал материал для диссертации во многих странах и последние два года вместе с экспедицией находился в Африке, в достаточно суровых для выживания условиях. Конец двадцать первого века, – он запнулся, а потом, грустно усмехнувшись, продолжил, – одно поколение сменяется другим, но жизнь мало чем изменилась для основной массы землян, а дикие племена Африки и Амазонки так и остались дикими. По возвращению из экспедиции меня частенько лихорадило, вот и попал в больницу.

– Как досадно, – вздохнула Кларис, – и часто вам прихо-

дится отлучаться из дома?

Жан с нежностью посмотрел на Арин.

– Надеюсь, это было в последний раз.

– Господин Франсуа, ваш отец, случайно не кризисный психолог? – Леруа разморозившись, поерзал в кресле, то ли устраиваясь поудобнее, то ли собираясь с мыслями. Он включился в беседу и это был хороший знак.

– Да, вы совершенно правы, он уже двадцать лет возглавляет центр Кризисной психологии.

Лицо Леруа расслабилось, а руки, еще минуту назад грозно скрещенные на груди, вмиг раскрылись, словно призывая всех присутствующих к вниманию.

– Кларис, Арин, я хорошо знаю господина Франсуа! Как же тесен мир! – пророкотал генерал.

Женщины напряглись – неожиданные перемены в настроении Леруа их озадачили. Арин хлопая глазами, смотрела на обрадованного этой новостью отца. На мгновение ей показалось, что до сегодняшнего дня совершенно не знала человека, дочь которого являлась.

– Это главный эксперт в области психологии, эксперт мирового масштаба! Сколько дел раскрыто с помощью этого гения! – продолжил восторгаться генерал.

– Папа, так вы с ним знакомы?! – воскликнула Арин и вид у нее был совершенно счастливый.

На лице Леруа появилась приятная улыбка. Хотя она так не вязалась с его суровым, даже немного устрашающим ви-

дом.

– Мы с ним работали над, хм... несколькими делами в ведомстве. Где он сейчас?

– На острове, в Греции, наслаждается отпуском. Он недавно купил там дом, – Жан пожал плечами и отпил чай.

Очевидно, что лед в отношениях тронулся, Арин прижала руки к груди.

«Слава богу!» – читалось в ее глазах.

Она положила себе в тарелку пирожных и задумчиво смотрела на их остроконечные кремовые цветы, завитки которых, так напоминали хаотичное первоначало мира. Дальше разговор потек сам собой. Жан рассказывал о своих путешествиях. Леруа еще не один раз добрым словом вспомнил свое знакомство с отцом Жана. Все стало как-то просто. Мужчины обменивались новостями, к матери вернулось ее прежнее снисходительно-спокойное настроение, а Арин ждала мгновения, когда сможет остаться одна и хорошенько все обдумать. Она проводила Жана уже затемно.

– Знаешь, я не могла себе даже представить, что все пройдет так замечательно.

Арин была настолько счастлива, что дневные проблемы ушли на задний план. Внутренняя тревога развернула свои кольца, выпустив пленницу на свободу и, казалось, это состояние продлится долго. Присутствие Жана вселяло уверенность в том, что в дальнейшем все сложится благополучно.

Родители были настроены весьма скептически по отношению к свалившемуся на их головы избраннику дочери и Арин их понимала. Также она понимала и то, что не будь отец Жана столь известен, разговора не сложилось бы, а зная нрав отца, все могло бы быть гораздо хуже.

Крепко обняв и поцеловав любимую, Жан растворился в вечерней мгле. Арин еще долго всматривалась в дорожку, чьи очертания терялись за гранью света уличных фонарей. Примерно такое тоскливо-одинокое ощущение было всегда после дней рождений, когда уходили гости, где каждый уносил с собой кусочек праздника. Того самого дня, когда Арин чувствовала себя наиболее любимой, счастливой и по достоинству оцененной. Тех ощущений уже давно не было, но сегодняшнее чаепитие с родителями возродило их в памяти.

Позднее, Кларис зашла в комнату дочери.

– Как тебе Жан? – спросила девушка, всматриваясь в озадаченное лицо матери.

Та присела на краешек кровати и задумчиво покачала головой.

– Что-то не так? – искренне удивилась Арин.

– Он такой, – мать долго подбирала слова, потом выдала, – мужчина не должен быть таким красивым, теперь я тебя понимаю, но...

– Мам, – видя замешательство Кларис, девушка постаралась вернуть ее к главной теме разговора, – объяснись.

Кларис замялась. Ее пальцы теребили край черной шел-

ковой сорочки. Арин знала этот жест, выдающий крайнее стремление матери избежать щекотливой темы и не солгать при этом.

– Ты должна быть готова...

– К чему?

Мать взяла себя в руки и принялась разглядывать свои ногти, будто разговор ее вовсе не волновал.

– Красивый мужчина – это мужчина для всех. Он никогда не будет принадлежать одной женщине. Будь к этому готова! – Кларис печально покачала головой.

– Что ты такое говоришь? Жан меня любит!

– Я тебя понимаю, – вздохнула мать, – быть с таким мужчиной – это повод для гордости, но обязательно будет расплата. Вся его безупречность не может достаться одной.

Слова матери хлестали по щекам более пощечин и щеки Арин горели пунцовым румянцем. Она слушала Кларис не ушами, а кожей, каждой клеткой своего тела и в глубине души понимала, что мать права.

– Он меня любит, – прошептала она, то ли себе, то ли ей.

– Но ты любишь его сильнее, – туманно ответила мать, – я это чувствую.

Глава 10

Жан вернулся домой очень уставший. Сегодняшняя встреча и знакомство с господами Леруа его порядком измотала. Он понимал, что от произведенного впечатления зависела его дальнейшая жизнь и возможность выполнить последнее, как он рассчитывал, задание. Он верил, что на этом завершатся его опасные шпионские игры. Закончится его двойная жизнь и прекратится его вечная погоня за недостижимыми идеалами.

Кабинет Леруа располагался на втором этаже. Жан прикинул в уме схему дома. Во время чаепития он прислушивался к тому, что происходило вокруг: откуда доносились голоса прислуги, где по ногам прошелся сквозняк и сколько примерно шагов сделал генерал, когда поднимался на второй этаж в свой кабинет. По щелкнувшему в тишине дома замку он понял, что кабинет запирался и вряд ли был бы открыт во время отсутствия его хозяина. Наличие в доме многочисленной прислуги усложняло задачу пробраться к заветному компьютеру.

– Надо не торопить Арин с переездом, – прошептал Ворон, усаживаясь с бокалом вина в кресло.

Откинув голову, он посмотрел в потолок.

«Появится больше поводов навещать к ним в дом. Время, мне нужно время, а оно неумолимо бежит. Эх, вре-

мя... время... времечко... где ж тебя взять?»

Внезапно внутренний диалог был прерван верещанием браслета, высветился номер Громова. Жан улыбнулся.

«Читает даже мысли», – и нарочито бодрым голосом бросил, – внимательно, Сан Саныч!

– Приветствую Иван. Как у тебя дела?

– Твоими молитвами, сегодня знакомился с семьей Арин.

– Я надеюсь, произвел впечатление?

– А то, ты сомневался?

– Что ты! В тебе – никогда. Ладно, что разведал?

– Кабинет постоянно заперт, сейчас только об этом думал. В доме есть охрана, прислуга. В саду – скрытые мини-камеры.

– Когда ты начнешь действовать? Физики сообщили, что готовится забастовка. Принуждение военных ведомств работать в интересующем их направлении озадачивает.

– Это и понятно, они вложили в разработки бешеные деньги и теперь не отступят, – Жан покачал головой.

Громову все равно, как он выполнит задание. Он всего лишь пешка в чужой игре.

– Иван, остается мало времени. Сам понимаешь, что после забастовки часть ученых самоликвидируется, а оставшиеся возьмутся за работу с удвоенной энергией. Им будут обещаны золотые горы.

– Иногда, нужно немного подождать, чтобы сделать лучший ход.

– Я тебя слышал, но времени почти не осталось, – сухо предупредил Громов и отбился.

Надежда на горячую ванну, снимающую напряжение, не оправдалась. Голова гудела как чугунный котел. Жан лег в постель и попытался расслабиться. Однако сон наступал медленно, отягощая свинцом веки. Ставшие привычными ощущения опять захлестнули засыпающего...

Во сне его телесная оболочка принялась привычно распадаться на атомы. На свободу вырвался сгусток энергии. Творец всех творцов, источник всего живого, неживого и реального явно скучал, несмотря на то, что сверхновые радовали пространство гейзерами вещества и бал коллапса продолжался.

– А, знакомое существо, – услышал он шепот энергии, словно зашуршала рация, заполняясь помехами.

«Как я сюда попал?» – краем сознания Жан пытался вырваться из сонного паралича.

– Ты спишь, атом.

Творец на минуту задумался, полыхнули звезды, вечный мир пришел в движение. Жан видел вокруг себя северное сияние – радужные переливы алых танцующих на небе полотен сменялись оливково-золотистыми всполохами. Словно в древней Вальгалле, рае викингов, наступило время пиршества. На этот раз пировал Он – грозный, обволакивающий, всеобъемлющий. Тот, который без усилий раздавит или воссоздаст из пепла.

– Ты, кажется, думал о времени? Знакомься...

Щупальца вселенского великана потянулись, словно доставая, что-то из шкафа. В пространстве появилась голограмма гигантских размеров, выделяясь своим объемом на фоне всепоглощающей черноты.

– Это Время!

Жан нервно сглотнул. Он физически ощутил сковывающий его холод, словно и в самом деле оказался на Крайнем Севере во власти первозданной стихии. Голограмма поворачивалась разными сторонами к наблюдателям. Она казалась еще более живой, чем цветастые небесные всполохи. Более живой, чем биение собственного сердца.

– Мне это напоминает... – Жан нахмурился.

Творец застыл, словно вместе с гостем перебирал его мысленные файлы.

– Слоеный корж с пузырями пустоты! – воскликнул гость.

В ответ на его довольство фейерверки вспыхнули с новой силой. Межгалактический концерт продолжился, в звездный оркестр вступали все новые и новые инструменты. Пролетающий астероид на мгновение завладел вниманием Жана. Он наблюдал, как его едва заметный голубоватый хвост растворился во владениях хозяина космоса.

– Фантастика какая-то! – восхитился Жан.

Творец хохотнул. Сковывающий Жана холод отступил, давая возможность дышать глубже.

– Пространственно-временные пузыри, эта так называе-

мая «спускная» камера, соединяющая не только параллельные миры. Найдя такую камеру, можно попасть в прошлое или будущее Земли, – продолжил свой дискурс Творец.

– Я все-таки сплю?

– Спишь...

Ярче полыхнули такие близкие звезды. Северное сияние побагровело на мгновение, затем приняло насыщенно-синий оттенок. Жан поежился и растерянно огляделся. Он перестал понимать, где находится и зачем. Будто успокаивая его, яркие полотна северного сияния исчезали, оставляя на черном бархате неба едва заметные ледяные звезды.

Жан читал о том, что физики пытались осмыслить природу времени и его взаимосвязь с пространством. Их гипотезы так и остались ничем не подтвержденными гипотезами. Все попытки землян вырваться за пределы солнечной системы были обречены на провал. Прыжок через четыре барьера⁸ для человечества невозможен!

– Ваши тела слабы, они легко ломаются, – был ответ на его мыслительные потуги, – вашим телам нужна неестественная для большей части Вселенной среда. Посмотри! Вокруг жизнь и эти формы жизни более приспособлены для существования. Для того чтобы увидеть другие Миры, тебе нужно всего лишь, – великая сила захихикала, – перестать быть человеком!

Жан вздрогнул. Охнули, сжавшись в комок ближай-

⁸ Гравитация, радиация, биологическая хрупкость, скорость света.

шие звезды. Небо приобрело глубокий иссиня-черный цвет. Ощущение холода вернулось.

«Он прав» – с горечью подумал Жан.

Великое освоение планет, предсказанное столетия назад писателями-фантастами, смешные попытки человечества вырваться из земного кокона, до сих пор терпят крах. На некоторые планеты были отправлены роботизированные системы для поиска и добычи полезных ископаемых. Однако добыча и доставка этих полезностей на Землю так же остается тяжелой ношей для землян. Постоянные базы на Марсе и Луне были созданы, но добровольные переселенцы впадали в депрессию, их кости и мышцы ослабевали, несмотря на множество устройств, имитирующих гравитацию. Сердце с трудом справлялось с перекачиванием крови. Они быстро умирали. Со временем на планеты стали отправлять преступников для обслуживания ботов.

– Так вот, существо, – великая сила выдернула Жана из размышлений, – пузыри времени могут перенести за миллиарды световых лет, к другим галактикам и вселенным, только для перехода потребуется нужная «спускная» камера.

– Скажи... ты – Бог? – неожиданно спросил Жан. Его сейчас мало волновало то, что не входило в круг его понимания.

– В вашем понимании бог – это существо, похожее на вас, но обладающее какими-то мистическими способностями все видеть, понимать, оберегать, помогать. Фей, одним словом. Я же, в отличие от вашего бога, все. Я везде. Я заполняю со-

бой пространство мира, сохраняю существующий порядок, контролирую все, и мне подчиняется все вокруг. Ты, потеряв свое органическое тело, станешь моей частицей, частицей Энергии.

Жан пытался проснуться, стряхнуть казавшееся таким реальным наваждение, но не мог. Сгусток его энергии путешествовал в царстве мрака. В царстве пестрых небесных полотен и бесконечного холода.

– Не переживай, существо, твой накопленный опыт, вся база данных твоей личности не исчезнет. Произойдет выгрузка пакета данных на главный сервер энергоинформационного поля. Капля вернется в океан, обогащенная новой бесценной информацией, ради которой и была запущена жестокая, но гениальная по своей архитектуре игра.

Вихрь турбулентности подхватил путешественника. Он летел навстречу Земле. Боль, вонзившаяся в тело и отзывавшаяся в каждой клетке, явилась завершением космического путешествия. Жан лежал в своей постели, а над стеклянным потолком спальни ему подмигивали уже знакомые звезды.

– Когда мы видим яркие сны – это либо от нерешенных вопросов, либо мозг пытается переработать стресс. Так, что это было? – Ворон покачал головой. Это был единственный вопрос, на который он не собирался искать ответы.

«Много лет размышлял я над жизнью земной.

Непонятного нет для меня под луной.

Мне известно, что мне ничего не известно!

Вот последняя правда, открытая мной⁹» – где-то на под-
корке лениво зашевелился его одурманенный тревогой ра-
зум.

⁹ Омар Хайям

Глава 11

Томный летний вечер призывно заглядывал в окна, приглашая на прогулку. Птичьи трели, колокольчиками звеневшие в парке, неожиданно стихли. Казалось, даже воздух стал насыщеннее и гуще, в преддверии надвигающейся непогоды. Небо заволокло пеленой, приползшей с юга и тяжелые черные тучи, пугали возможным дождем.

«Не люблю сырость», – как-то некстати подумал Леруа.

Небо словно ждало сигнала. Первые тяжелые капли загрохотали по беседке в парке, разгоняя скопившийся днем зной. Генерал с недовольно поджатыми губами наблюдал из окна за туманной пеленой, в мгновение ока скрывшей от любопытных глаз цветущую аллею.

В кармане зазвонил телефон. Гудки потонули в грохоте первого раската. Он, поспешно вытащив трубку, посмотрел на экран. Раздражение поднялось молниеносной волной.

– Леруа слушает, – недовольно буркнул он.

– Генерал, говорит капитан Тейлор. Я координирую работу ведомства в Центре ядерных исследований и курирую вопросы доступа к управляющим системам ускорителя.

– Прекрасно, капитан, я надеюсь, что все спокойно?

Офицер замялся, но продолжил:

– Началось девятибалльное землетрясение в Тихом океане. Из Центра в Японии сообщают, что защита ускорителя

со своими задачами справляется.

– И что вы об этом думаете? – вкрадчивым тоном поинтересовался Леруа, прикидывая в уме масштабы возможных задержек.

– Землетрясение только началось, – неуверенно ответил капитан.

– Держите меня в курсе, – с надеждой, что новости исчерпаны, и можно «отбивать» звонившего, генерал собрался прощаться.

– Простите генерал, это еще не все...

– Хм... я так понимаю, что сообщенная вами новость была хорошей?

– Да, – отрывисто ответил Тейлор.

– Что еще? – Леруа передернуло, как от удара.

– Инженеры, обслуживающие ускоритель, и часть ученых во всех Центрах Земли сообщили о прекращении работы...
Офицер подскочил как ужаленный.

– Черт бы вас побрал, Тейлор!

– Эта акция протеста связана с вмешательством в их научную деятельность, хм... неких военных ведомств, генерал.

– Машину мне! – рявкнул Леруа.

Словно волшебник – машин дрессировщик, ее материализовал. Взвизгнув тормозами, бронированная красавица остановилась напротив парадного входа. Дождь отрывисто стучал по ее крыше, отскакивал от лобового стекла и с шумом падал на гравий. Выглянув в окно, генерал раздражен-

но прошелся туда-сюда по кабинету стараясь успокоиться, а после, тщательно закрыв за собой дверь, вышел на улицу.

Когда он приехал в ведомство, раздражение усилилось. Оно свербело, где-то в глубине души и грозило вырваться наружу. Личный состав выстроился по стойке смирно вдоль стены, словно ожидая расстрела. Суровые лица присутствующих скрывали эмоции, которые обуревали Леруа.

В срочном порядке был доставлен Алан Гарсия, один из физиков Женевского Центра. Лицо ученого было покрыто морщинами и выглядело преждевременно состарившимся.

– Итак, Алан, что происходит? – заняв свое кресло без приветствия начал Леруа.

Он жестом велел физику сесть напротив него за стол.

– И почему обо всем происходящем я узнаю в последний момент?

Генерал говорил спокойно, четко проговаривая каждое слово. От этого показного спокойствия веяло угрозой, заставляющей сжаться в комок тщедушное тельце ученого. Тот заметно нервничал и часто моргал.

– Господин генерал, по предварительному расписанию работы ускорителя, послезавтра должен был быть проведен еще один сеанс столкновений протонов и ядер свинца. Для этого было все готово.

– Что изменилось за столь короткий срок?

Физик замялся.

– Вы уже знаете, что хиггсон представляет собой квант

поля Хиггса, и завтра мы должны были увеличить энергию ускорителя, чтобы проверить одну гипотезу...

– Интересно, чертовски интересно, – подбодрил ученого генерал.

– Все было готово для подтверждения постулатов «новой физики», однако...

В этот момент в кабинет постучали. Генерал нехотя отвлекся.

– Войдите.

Молодой запыхавшийся офицер стремительно ворвался в комнату.

– Генерал, СМИ на всех информационных каналах тревожат о всемирной акции протеста работников, обслуживающих ускоритель.

Алан Гарсия мгновенно съехался и втянул голову в туловище. Казалось, что еще немного усилий и он телепортируется на необитаемый остров. Генерал смерил его презрительным взглядом.

– СМИ, так скоро? – Леруа был обескуражен.

Его убивал не тот факт, что телеканалы транслируют недовольство работников, обслуживающих ускоритель, а то, что о готовящейся забастовке не было даже намеков. Где было то великое множество службистов, заброшенных в Центры, где были инженеры и ученые, получающие солидные вознаграждения из средств его ведомства? Однако все происходило здесь и сейчас. Удар в спину. Ножом. Его раздра-

жение достигло апогея – он стукнул кулаком об стол.

Включившийся транслятор отображал блондинистую репортершу на фоне заходящего солнца. Она возбужденно разглагольствовала о том, как с помощью электромагнитного поля разгоняют частицы в ускорителе.

– ...они должны создавать очень сильное магнитное поле: чем сильнее магнитное поле, тем более высокоэнергетические протоны можно удержать внутри кольца заданного радиуса...

В голове генерала невольно пронеслась мысль: «Как долго она это запоминала, может, телетекст? Нет, не прочитала бы...»

Дальше шли рассуждения малоизвестного ученого о достижениях в области науки и техники. Генерал уже было ослабился, как пошло прямое включение. Известный корреспондент была приятной женщиной среднего возраста. Ее можно было даже назвать привлекательной, если бы не некоторая беспорядочность в одежде и цепкий взгляд.

– Международные новости... забастовка работников Центров ядерных исследований. Они выступают против вмешательства военных ведомств в работы по исследованию элементарных частиц, и пока не ясно, сколько продлится акция протеста. Прокомментировать ситуацию мы попросили представителя забастовочного комитета работников Центров ядерных исследований Риккардо Фьораванти.

– Мы возмущены нежеланием представителей военных

ведомств прислушиваться к мнению ученых физиков, аргументировавших аспекты небезопасных экспериментов на ускорителе. С увеличением энергии ускорителя может возникнуть глобальная опасность развития цепной реакции, которая может уничтожить нашу планету. Однако эти ведомства принуждают нас продолжать работы, несмотря на реальную угрозу!

Корреспондент явно занервничала.

– То есть вы хотите сказать, что нынешняя система организации научных исследований сейчас находится в руках военных?

– Все упирается в финансирование. Ускоритель – это страшно дорогая «игрушка», требующая гигантские финансовые вливания. В какой-то момент они подключились в качестве кураторов исследований и финансодателей.

– Ваши опасения по поводу конца света... не преувеличены ли?

– Не одно поколение ученых билось над загадками физики элементарных частиц. Многие уже открыто и понятно. Однако то, на что нас сейчас толкают, пока не познано, и без серьезных исследований и дополнительных расчетов туда соваться нельзя. Мы не сможем остановить цепную реакцию, если она начнется.

– Что конкретно вы имеете в виду?

– В ходе планируемого эксперимента, а для этого повышена энергия ускорителя, может быть создан нестабильный

Хиггсон, который станет тоннелем между ложным и истинным вакуумом. В результате пролома в поле Хиггса вся Вселенная перейдет в иное физическое состояние.

– Однако я слышала другие мнения ваших коллег ученых по поводу планируемого эксперимента.

– Интересно послушать.

– Утверждают, что ваши опасения безосновательны, а вы, как организатор данной акции – перестраховщик.

Ученый, потерявший интерес к дискуссии, снисходительно усмехнулся.

– Милая девушка, нам нужно время.

– А если вас не услышат?

– Значит, кричать надо громче и не одному – с единомышленниками.

Полковник Громов торжествовал. Все, что было задумано в проекте под кодовым названием «Квант», начало осуществляться и реализовываться. Его стальные глаза неотрывно смотрели на голографический дисплей, будто что-то взвешивая, просчитывая. Громкие голоса и взрывы хохота неслись из ярко освещенных кабинетов и залов военной лаборатории. Лаборанты, инженеры, ученые праздновали глобальную победу прогрессивной мысли над косностью стереотипного мышления. Забастовка, охватившая Землю – первая забастовка такого масштаба. Ученых сплотила общая идея, общая цель, а вместе с ней будут выработаны общие планы, с которыми уйдет появившаяся разобщенность в их

рядах.

В дверь постучали.

– Входите! – разрешил Громов своим резким, металлическим голосом.

На пороге кабинета появились двое. Первого полковник знал. Это был его незаменимый адъютант Ветров – как всегда подтянутый, «с иголки» и излучающий спокойствие. Вторым в кабинет просочился невысокий молодой человек в штатском.

– Господин полковник, привел, – отчеканил Ветров.

– А-а... – торжественно протянул офицер, подходя к гостям.

Его броня непроницаемости дала трещину.

– Молодец, парень! – воскликнул он, хлопнув с размаху штатского по плечу ладонью так, что тот чуть присел.

Под суровой внешностью полковник скрывал солидную дозу чуткости и иронии. Он знал о том, какое производит впечатление и уважал тех сослуживцев, которые не воспринимали его в штыки.

– Служу России! – вытянувшись по стойке смирно, воскликнул штатский.

– Замечательно! Ты скажи, как все-таки удалось их уломать? – предлагая молодым людям сесть, спросил Громов.

Парень замялся.

– Да, как вам сказать... Ведь все хотят жить, да и военные достали, – потом спохватился и уточнил, – не вы, конечно

же! Вы – это...

– Ну, понятно, что мы – это... – перебил его Громов.

Он не успел закончить свою мысль, как дверь с грохотом распахнулась. Вбежал Алексей Евгеньевич с бутылкой шампанского в руке, за ним вошла розовощекая лаборантка с фужерами.

– По вспышкам сверхновых можно определить, что где-то еще во Вселенной запускают коллайдеры, – весело сообщил он.

Прищуриль глаза с сосредоточенным видом, он пытался отыскать красный ярлык на обертке шампанского. Молодой человек, видя, что после этих слов полковник напрягся, со смехом уточнил:

– Шутка!

Наконец обертка была побеждена. Пробка, взлетев к потолку, срикошетила вниз. Ветров ловко поймал ее, на мгновение, напомнив Громову баскетболиста. Разлив золотистый напиток по фужерам, Алексей Евгеньевич пафосно воскликнул:

– Тост!

– Внимательно слушаем, – улыбнувшись, кивнул Громов. Профессор, набрав воздуха в легкие, произнес:

– Мы живем в мире квантовой физики. А это – ожившая сказка, которая грубо нарушает общепринятые законы физики, – гордость за профессию заставила его голос наполниться триумфом. – Кванты нарушают скорость света, пе-

ремещаются по разным траекториям, возникают ниоткуда, пропадают в никуда, предполагают наличие иных реальностей...

Громов, дождавшись, когда воздух в легких говорившего, наконец, закончился, воскликнул:

– За это – стоя!

Он знал, что профессор, сев на своего любимого конька, может говорить часами. Дверь после короткого стука открылась, и вошедшая толпа коллег наполнила пространство кабинета звонкими голосами. Где-то опять послышался новый взрыв хохота.

– Наши радуются! – на подъеме воскликнул профессор.

Молоденький аспирант со смехом сказал:

– Анекдоты и шампанское – страшная сила. Мы откопали старые-престарые, а они актуальны до сих пор, представляете!

– Шампанское есть, а шуток пока не слышно! – ухмыльнулся Громов.

А в это время информационные каналы содрогались. Телеведущие, журналисты и корреспонденты по всему миру наперебой, захлеб вели репортажи с мест событий.

– Эта акция протеста обещает быть рекордной по продолжительности. Бастующие высказывают серьезные опасения, что существует вероятность выхода проводимых в ускорителе экспериментов из-под контроля и развития цепной реакции. Я предоставляю слово оппонентам бастующих, один

из них Акио Танака, ассистент-профессор Центра ядерных исследований Японии. Скажите профессор, в вашем Центре тоже есть бастующие?

– К сожалению, есть. Наступило время, когда ученые разделились на два лагеря, те, кто против продолжения экспериментов и те, кто за.

– Неужели все так серьезно, как говорят бастующие?

– Та глобальная опасность, о которой рассуждал глубоко уважаемый Фьораванти, с моей точки зрения надумана. Да, понятие «новая физика» появилась еще в начале двадцать первого века, когда был запущен адронный коллайдер. Рождение частиц, попытка «уложить» их в Стандартную модель¹⁰ – это уже прошлое физики. Мы вышли за пределы Стандартной модели, и благодаря мощному ускорителю давно фиксируются процессы, лежащие за ее пределами. Мы живем в мире квантовой физики!

– Как же быть с вашими оппонентами?

– Я бы сказал, что конкуренция и сотрудничество экспериментаторов, изучающих одинаковые вопросы – это здорово.

Недоумение прочиталось на лице корреспондента.

– Одним словом – стол переговоров на данный момент – единственный способ разрешения данной проблемы, – уточ-

¹⁰ Стандартная модель – теоретическая конструкция в физике элементарных частиц, описывающая электромагнитное, слабое и сильное взаимодействие всех элементарных частиц. Стандартная модель не является теорией всего, так как не описывает темную материю, темную энергию и не включает в себя гравитацию.

нил ученый.

Корреспондент выдохнула.

– Итак, оппоненты бастующих, инженеры и ученые, считают, что необходимо продолжить эксперименты, ведь повышение энергии столкновений позволит чаще получать редкие события рождения частиц и даст больше возможностей для новой физики.

Леруа застыл в кресле. С каждой минутой ему все сильнее казалось, что это чья-то игра. Только велась она по хаотичному сценарию, который мог набрать обороты, словно смерч, сметающий все на своем пути.

Глава 12

События следующего утра вернули Арин на грешную землю. Со вчерашнего вечера трансляционные голограммы бесперебойно вещали международные новости, следуя за ней по пятам. Все достижения ближайших, счастливых дней были перечеркнуты негативной информацией. Информацией, отправленной на чердак ее памяти, дабы не омрачали беспроблемное существование. Страшные картины Армагедона, рисуемые воображением, вставляли черными мазками перед ее глазами.

Арин выключила транслятор и схватилась за голову. Она будто превратилась в животное, слуховой диапазон которого возрос во много раз. Сейчас ее обострившийся слух улавливал все: шепотки в коридоре уходящей прислуги, тиканье часов, переключку пернатых за окном, даже тревожный стук собственного сердца.

«Я предлагала тебе поговорить с Жаном», – проснулась сущность.

«Предлагала, – обреченно подумала девушка, – но я гнала от себя то, что не укладывалось в моем понимании».

«Пусть придет Жан!» – настаивала Нира.

«Но чем он поможет?»

«Не перебивай, – против обыкновения грубо оборвала ее Нира, – расскажешь ему все, что знаешь».

«Я все равно не понимаю, зачем впутывать в это Жана? Это дело семейное».

«Глупая! Все это уже давно вышло за рамки семьи. Посмотри...»

Сам собой включился транслятор. Душа неприятно сжалась, а горло стянул обруч спазма. Корреспонденты наперебой вещали новости из разных уголков Земли. Акции протеста охватывали все большее количество земель. К работникам Центров присоединялись простые граждане, взбужденные волной страха, нагнанного митингующими и средствами массовой информации.

Ушедшая в себя Арин не заметила появившегося на пороге гостиной Жана. Он напряженно вглядывался в события, разворачивающиеся в трансляционных голограммах.

«Обернись!» – приказала сущность.

Арин невольно вздрогнула и побледнела.

– Как? Ты здесь?

Присутствие молодого человека и радовало, и одновременно огорчало. Арин пыталась разобраться в разыгравшихся чувствах, а Жан, стоял с невозмутимым видом, подперев плечом дверной косяк. Куртка, с замысловатым узором, была расстегнута, а ослепительно белая футболка обтягивала широкую грудь. На мгновение Арин покраснела и зажмурилась, словно пытаясь прогнать наваждение.

– Ты мне не рада? – мягким голосом спросил он.

Сердце девушки екнуло:

– Что ты! Все это выбило меня из равновесия, – она махнула рукой в сторону транслятора и уткнулась носом в его грудь.

Арин пыталась вновь убежать от такой неприятной действительности.

– Увези меня, мой принц, – выдохнула она.

– Легко! Мой конь припаркован, – вслух произнес Жан, а про себя подумал: «Увезу, только нужно кое-что сделать. Надеюсь, не придется прибегать к гипнозу». Всецело отдаться чувствам Арин не удалось. Он отметил, что девушка сжалась, словно пыталась защититься и от него тоже. А она перебирала в памяти разговор с майором и сопоставляла его с услышанными новостями.

«Отец! Во все виноват отец!» – мысленно повторяла она.

– Нет, с тобой определенно, что-то происходит – участливо прошептал Жан, сильнее сжимая замершее в его руках тело.

– Знаешь, мне надо тебе кое-что рассказать, – решилась Арин и подняла на него глаза.

– Мне тоже, только ты первая.

Чтобы потянуть время, девушка предложила Жану напитки. Не хотелось стоять на пороге гостиной и откровенничать на опасные темы.

– Сейчас слуги разошлись, пойдем на кухню.

– Итак? – Жан вернулся к разговору.

С угрюмым лицом он рассеянно мешал ложкой горячий

напиток, а после отложив ее, поднял глаза на пылающее лицо девушки. На нем эмоции сменяли друг друга. Арин кусала губы, явно не зная, как начать непростой разговор.

– Ты хотела мне рассказать, что... – мягко напомнил Жан.

– Я просто не знаю, с чего начать.

– По традиции начни с главного.

Молодые люди придвинулись ближе друг к другу, и, хотя они были одни, Арин инстинктивно перешла на шепот.

– Ты ведь знаешь, что мой отец возглавляет объединенное военное ведомство.

– Ты вроде нас знакомила?

– Так вот, с некоторых пор его ведомство курирует эксперименты, проводимые на ускорителе.

«Похоже, придумывать ничего не надо?» – внутренне усмехнулся Жан.

Душистый напиток, разлитый в крошечные фарфоровые чашечки, казалось, наполнил ароматом весь дом. Арин поймала себя на мысли, что в такой уютной кухне в голубых тонах явно не место для серьезных разговоров, но выбора не было.

– Совсем недавно от одного офицера я узнала, что интерес отца к этим экспериментам обусловлен возможностями получения небывалого по мощности оружия, которое может уничтожить Землю.

Жан не перебивал. Молчание молодого человека несколько ее озадачило, но после недолгой паузы она продолжила:

– Так вот, все, что происходит там, на улицах городов, тесно связано с деятельностью отца и его команды. Я не знаю, как этому помешать.

Прижав ладони к своему лицу, Арин всхлипнула. Державшее ее в тисках напряжение нескольких дней, выплеснулось вместе со слезами. Безысходность положения давила и девушка, опустив голову беззвучно рыдала.

– Я пыталась с ним поговорить, – сквозь всхлипывания продолжила она, – но он переводит разговор.

Жан прижал голову любимой к груди.

– Послушай меня и не перебивай, – тихо начал наступление он, коснувшись губами ее макушки. Арин удивленно подняла глаза.

– Ускоритель управляется гигантским количеством компьютеров, расположенных в Центрах ядерных исследований по всей Земле. Они многоуровневые и соединены сверхскоростной магистралью, а вся информация с них поступает в главный центр хранения и обработки данных.

Девушка замерла и несколько секунд растерянно хлопала глазами, словно не могла поверить своим ушам. Ведь открытая ею тайна оказалась совсем не тайной. Голос Жана был спокойным и тихим. Таким голосом рассказывают на ночь сказки детям о добрых волшебниках, а не о каких-то скоростных магистралях и компьютерной паутине, опутавшей Центры. Но почему-то вместо традиционного спокойствия, которое давало ей общение с любимым, она ощутила обмо-

рочную слабость и напряжение.

– Я предполагаю, что компьютер, – продолжил он, – находящийся в кабинете твоего отца, также входит в эту сеть, кроме того в нем наверняка хранятся сведения о разработках этого оружия.

– Не знаю, – задумчиво произнесла Арин, – хотя ставили программное обеспечение и настраивали его инженеры из Европейского Центра.

– Так вот, мы сможем на длительное время остановить эксперименты, получив данные с его компьютера.

Весь день молчавший ультрамодный пейджер, закрепленный на кармане его куртки пикнул. Этот звук был крайне некстати. Жан нахмурился, когда интерфейс спроецировал на его ладонь информацию.

– Прошу прощения, – сухо произнес он.

Сообщение, заставило его нахмуриться еще сильнее.

«Очень своевременно! Поздно Громов, поздно идти на попятную и бросать начатое», – пронеслось у него в голове.

Он раздраженно отключил устройство и убрал в карман. Арин же не терпелось удовлетворить свое любопытство.

– Ну почему для этого нужен именно компьютер отца, ведь есть другие, например, в лабораториях? – продолжила она, решив не обращать внимания на странное поведение молодого человека.

За несколько минут звонка...

Пока Жан спокойно пояснял Арин тонкости функциони-

рования управляющей системы Центров, в холл военного ведомства, сметая все на своем пути, влетел Ветров. Молоденький дежурный, совершенно забыв о своих обязанностях, втихаря копался в интернете. Пухлая кипа бумаг, поднятая сквозняком от открывшейся двери, взмыла к потолку.

– Боремся с бумаготворчеством, – успел бросить Ветров, несясь наверх, перелетая со ступеньки на ступеньку.

Ворвавшись в кабинет Громова, он выпалил с порога:

– Рассекречены документы по делу Ворона!

Вспышка гнева молнией пронеслась в глазах полковника. Схватив служебный пейджер, он лихорадочно отправил условленное сообщение Жану.

– Что было сделано? – вопрос полковника прозвучал как выстрел.

Ветров его понимал с полуслова.

– «Лазутчик» задержан. По наводке информатора специальные бригады ведут слежку за объектом. Задержанного пока не отключили. Сеть и связь полностью заблокированы.

– Ты уверен, что «его» сообщение еще не отправлено? – резко спросил Громов, теряя разум от ярости и беспокойства.

Ветров молчал, напряженно глядя в глаза шефа.

– Едем, – решил Громов, укладывая в карман излучатель.

На его лице не осталось ни следа благожелательности.

– Черт, ментовские войны какие-то, – шипел он, сбегая по лестнице.

Адъютант знал, что Громов относился к Ворону, как к сыну, и все, что касалось агента, касалось и его. Кипа только что собранных и аккуратно сложенных бумаг опять взлетела с края стола на радость дежурного. Тому оставалось ошарашено смотреть, как за полковником захлопнулась входная дверь, сопровождаемая шорохом осыпающихся документов.

– Этот «лазутчик» кто? – спросил Громов, усаживаясь в автомобиль.

– Работник посольства, – сузив глаза, ответил адъютант. – Они с агентом учились в Европе и их давняя «любовь» еще оттуда.

Ветров, зная крутой нрав шефа, отчетливо понимал, что после завершения операции слетит не одна голова. Между кустами и широкими стволами деревьев темными пятнами виднелись силуэты парней в штатском. Намерения их отчетливо читались в напряженных позах. Увидев Громова, старший офицер приблизился и открыл рот, чтобы по привычке отрапортовать.

«Что за мир? Сколько идиотов вокруг, как весело от них!», – подумал Громов и вполголоса произнес:

– Не надо, капитан, я превосходно осведомлен. Ведите!

Зашторенные темные жалюзи почти не пропускали свет в довольно большую комнату. Готовое к отправке сообщение голограммой зависло в воздухе. Во всей своей красе с голограммы смотрел на них Ворон. Смеющиеся глаза, трехдневная небритость и расстегнутая на груди рубаха были словно

вызов их строгим костюмам. Эксцентричность встретила с деловым минимализмом.

Спортивного телосложения парень, сидел, опустив голову на руки, покоящиеся на столе. Рядом расположились агенты в штатском.

– Ну что, Вервольф¹¹, и на этот раз ты меня сделал! – прошептал незнакомец, качая головой.

– Почему Вервольф? – тихо спросил Громов, уже минуту оценивающий открывшееся зрелище.

– Pardi!¹² – оборачиваясь, сквозь стиснутые зубы воскликнул тот.

За Громовым стоял Ветров, вернувший привычное спокойствие и невозмутимость на лице. Два офицера при виде старшего по званию вскочили и вытянулись в струнку.

– Так ты, господин хороший, не ответил на вопрос, – напомнил ему Громов. Молодой человек иронично усмехнулся.

– В школе у него было такое прозвище.

Громов начал припоминать, что этот псевдоним закрепился за Жаном после занятий по ассоциативной психологии. Педагог была очень удивлена, когда такой прилежный и спортивный мальчик ассоциировал себя с волком. На ее вопрос «почему?» он ответил:

– Если бьют волка, он терпит, молча, как бы сильно его

¹¹ Получеловек – полуволок

¹² Черт возьми! (франц.)

ни били. Разве что глухо зарычит сквозь зубы. Волк всегда один, ему надеяться не на кого.

Резонанс по поводу заявления мальчика-подростка в элитной школе был такой, что вызвали на беседу Кевина. Психолог долго проводила параллель между командным духом, работой в группе и о волке-одиночке.

Даже сейчас, спустя столько лет, Жан с удовольствием бы вспомнил ответ Кевина:

– Не разобравшись в сути вопроса, вы, уважаемая, делаете неверные выводы. Волк – один из лидеров среди зверей, а волчья стая – тесная семья с крепкими родственными узами и общими целями. Правда, они безжалостны к своим врагам, но это всего лишь закон выживания!

«Интересно», – Громов усмехнулся своим мыслям, и обратившись к задержанному, бросил: – А ты молодец!

Парень непонимающе уставился на стоящего каменной глыбой офицера.

– Нас подождал! – уточнил Громов, подходя к нему и надевая латексные перчатки.

Лазутчик шарахнулся от него в сторону. Если бы не двое стоящих рядом офицеров, то он упал бы, зацепившись за стул.

– Бить будете, – зло ухмыльнувшись, буркнул он.

– Ага, заняться больше нечем, – спокойноотреагировал Громов, прилепляя на тыльную сторону руки шпиона маленькую красную пуговку. – Поспи, родной, пока стиратели

поработают.

В то время, когда Громов с командой обезвреживали неприятеля, спасая тем самым своего агента, тот продолжал спокойный разговор за чашкой кофе.

Арин все не могла понять, причем здесь компьютер отца.

– К сожалению, – пояснял Жан, – все компьютеры, входящие в кольцо защищены многоступенчатой системой безопасности и попытка взломать ее из какого-либо Центра или лаборатории будет моментально обнаружена. Эта попытка приведет к глобальному международному скандалу, ведь все оборудование ускорителя и он сам стоил землянам гигантских денег. Подпортили все неоднократные хакерские атаки, приведшие к усовершенствованию систем безопасности.

– Но в таком случае будет обнаружена и эта попытка взлома системы?

Жан покачал головой.

– Во избежание хакерских атак, все компьютеры в сети учтены службой безопасности, а подключение дополнительных систем требует большого числа согласований и времени...

– А военные-то что? – перебила его Арин.

Она до конца еще не осознала масштабы бедствия. Жан улыбнулся и мягко, словно маленькому ребенку, ответил:

– Было соглашение о невмешательстве военных в мирные эксперименты на ускорителе. Поэтому желание подключения к системе представителя крупного военного ведомства,

в лице господина Леруа, вызвало бы серьезный резонанс в мире.

– Не понимаю...

– Подключение компьютера твоего отца не санкционировано, я не знаю, как им удалось обмануть системы безопасности, но сейчас это не главное.

– Не может быть!

– К сожалению, может.

– Откуда ты это знаешь? Ты кто?

Арин с ужасом отшатнулась от молодого человека. Сегодняшний день преподносил все больше и больше сюрпризов. Ее сердце бешено стучало, в висках стоял шум, а полные слез глаза непонимающе смотрели на такого знакомого незнакомца.

– Глупая, как же мне все объяснить, – прошептал он по-русски.

Странный язык, какой-то очень знакомый, еще больше ее напряг. Нахмурившись, она неуверенно произнесла:

– Так ты русский?

Глава 13

Жан, будучи воспитанником элитной закрытой школы, еще помнил то время, когда русскими пугали детей. Арин же принадлежала к привилегированному кругу политической элиты Европы. Общение с представителями другой национальности ограничивалось рамками светских раутов, а там, как известно, абы кто бродить не будет.

В ее глазах русский – это неандерталец, случайно забредший в современность из каменного века. Все ее представления нисколько не вязалось с сидевшим рядом Жаном, таким близким и родным. Арин во все глаза смотрела на него, пытаясь осознать происходящее. Этот ровный средиземноморский загар, безупречная речь, манеры, улыбка и глубина взгляда – стереотипы ломались один за другим. Арин казалось, что рушилась ее внутренняя Вселенная, такая уютная и такая знакомая, где каждое слово, каждое название, каждое событие имели свои места.

Жан молча наблюдал за ее терзаниями. Эмоции, как в немом кино отражались на ее лице.

«Видел бы меня сейчас Громов» – пронеслось в голове у парня.

Перед внутренним взором возникла фигура полковника. Косая сажень в плечах, ироничный взгляд, говорящий: «Какие сантименты! Ты еще стихи почитай! Вот, блин, любитель

поморочить голову».

Еще Громов как-то сказал: «В тебе больше русского, чем можно было бы представить. Хотя физиономия, – покачал тот головой, – ну, не Ваня ты, не Ваня».

Жан тряхнул головой, образ полковника осколками разлетелся по сторонам.

– Давай знакомиться, – произнес он, пристально глядя в глаза Арин. – Я француз, Жан Франсуа. А уже заочно знакомый тебе Кевин Франсуа – все-таки мой отец, а мама, хм..., а вот мама русская, Анна Белых, фотомодель, ты должна ее знать.

Арин ее видела и неоднократно, на приемах в посольстве. Отец даже, как-то с завистью произнес:

– Все-таки женщины у них, – потом, заметив рядом с собой Арин, оценивающе прищурил глаза, – нет, наши все-таки лучше!

Мимо них прошла высокая, черноволосая хищница с узкими серыми глазами. Арин невольно залюбовалась этой женщиной – возможно татарская кровь добавила ей удивительную животную грацию, так сильно отличавшую ее от остальных представительниц женского пола. Анна скользила мимо беседующих гостей, поигрывая бокалом шампанского в тонких длинных пальцах. На ее губах играла загадочная улыбка, отражавшая безмятежное внутреннее состояние. Ей никто не был нужен, чтобы поддерживать свое хорошее настроение. Она казалась настолько целостной и самодостаточ-

ной, что Арин не могла отвести от нее взгляд. Это воспоминание, столь далекое, всколыхнуло полузабытые эмоции.

Она невольно включилась в разговор:

– Я и не предполагала, что у Анны такой взрослый сын.

– У меня еще сестра... была, – прошептал Жан.

Пережитое горе волной охватило молодого человека. Арин видела, как мгновенно сузились его глаза и напряглись сжатые в кулаки руки. Во взгляде мелькнуло затравленное выражение и тут же сменилось на сосредоточенное.

– Прости, она была младше тебя? – стараясь не поддаваться жалости, спросила Арин.

– Марта не умерла, – спохватился он, – пропала.

– Как такое могло случиться?

– Она увлекалась туризмом. Природа, приключения – все это объединило группу студентов, обходивших и объездивших забытые богом уголки Земли.

– Что произошло?

– Как-то они своей компанией отправились в Альпы. Все было хорошо, Марта регулярно делилась с нами восторгами – заснеженные вершины, вечера возле камина, шутки, песни, смешные рожицы на фото. Она и ее друзья казались счастливыми – то самое чувство, когда никто больше не нужен. Что там произошло – непонятно, но вернулись не все. Ее подруга, Алиса Громова, даже под гипнозом ничего не смогла вспомнить. Как будто стерли память.

Воспоминания давались Жану нелегко. Пришлось заново

пережить события шестилетней давности.

– Мы с отцом Алисы переворошили там все, не оставив камня на камне, но безуспешно. Выдвигались разные версии, но ни одна из них не оправдалась – начиная от схода лавины, заканчивая криминальными сводками. Марте было-то всего ничего. С тех пор я поклялся бороться с несправедливостью.

Жан пристально посмотрел на Арин и, увидев мелькнувшие в ее глазах ироничные смешинки, серьезно произнес:

– Не смейся, я не Бэтмен или Человек-паук, я обыкновенный человек и не всегда поступаю правильно, но кое-что сделать в этом мире могу.

– Я тебя слышала, – задумчиво протянула Арин. – Но ты так и не ответил на мой вопрос: кто ты?

– Арин, ты меня плохо слушала. Я – человек, который может остановить беспредел, происходящий сейчас в мире. Я тот человек, который не допустит создания еще одного вида оружия, возможно, последнего оружия человечества. Я тот человек, которому ты должна помочь!

– Поняла, ты шпион! – Арин округлила глаза и вскочив попятилась.

Жан схватил ее за плечи и слегка встряхнул. Его лицо было серьезным, а между бровей пролегла морщинка. Казалось, даже воздух вокруг них сгустился и затруднял дыхание. Арин на мгновение зажмурилась и покачала головой.

– Тебе это нравится? – показал он на трансляционные голограммы с новостями. – Ты готова отправиться на тот свет,

когда ведомство твоего отца додавит ученых?

Жан смотрел на Арин уже с гневом. Его тяжелый взгляд был чужой и страшный, а глаза каким-то невообразимым образом пожелтели, будто став глазами пантеры. На мгновение Арин показалось, что она встретила нос к носу с хищником. С хищником, который привык убивать.

– Они ведь продолжают эксперименты и либо сразу отправят всех на тот свет, либо после создания бомбы.

Арин опустила голову. В голове проснулась сущность: «Ты долго будешь строить из себя оскорбленную?!» Девушка зажала уши руками, но то, что сидело в ней, данное действие нисколько не остановило. Сущность продолжала вещать с невозмутимостью робота: «Совсем недавно, ты кусала губы от ужаса, не зная, что делать и куда бежать. Он предлагает решение! Что с тобой происходит?»

Арин безуспешно пыталась уговорить Ниру, но та была права. Однако ощущение, что ее использовали в качестве подопытного кролика, ее использовали, чтобы выполнить какое-то задание – сражало наповал. Ее ценность была не выше пешки на шахматной доске. Не выше курьера, везущего смертоносное письмо. Не выше любого из ученых, работающего со страшным оружием.

Жан был неплохим психологом, он понимал ее терзания гордости. Нежно взяв девушку за руки, он с мольбой посмотрел ей в глаза.

– Послушай, я люблю тебя. Ты – первая девушка, которой

я это говорю. Когда все закончится, я очень хочу быть с тобой! Надеюсь, так и будет. Верь мне!

– Как я могу тебе верить, если ты пробрался к нам в дом для выполнения своих темных дел! – воскликнула Арин, выдергивая руки. На ее глазах опять навернулись слезы. – А я, я приняла твои ухаживания...

– Ты права, – Жан отвел взгляд, – я не думал тогда, что ты станешь для меня таким желанным человеком. Прости. Ты же меня тоже любишь? Ты меня любишь?

Он крепко обхватил ее за плечи. Арин невольно на него засмотрелась. Он опять напомнил ей хищную кошку, а раздражение, вызванное ее непониманием, придавало ему необыкновенную сексуальную притягательность. Никакие слезы не смогли бы смыть его лицо. Стереть из памяти и уничтожить.

– Люблю, люблю тебя, – прошептала Арин.

Ее губы дрожали. Закрепляя победу, Жан крепко ее обнял.

– Ты мне pomoжешь? – спросил он, уткнувшись носом в ее макушку.

– Да, – покорно прошептала Арин.

– Тогда давай все по порядку, – голос Жана остался таким же мягким, но ощущение, что его мгновенно подменили, не оставляло сомнений.

Чувствовалось напряжение спортсмена перед решающим матчем. Каждая клеточка его натренированного тела излу-

чала бившую ключом энергию. Жан открывался с новой, загадочной стороны, и это ее и озадачивало, и восторгало. Родной человек стал чужим, но в любом своем обличье оставался любимым.

– Сейчас в доме кто-то кроме нас есть? – спросил Жан, проведя большим пальцем по ее щеке, заправляя выбившуюся прядь за ушко.

– Слуги разошлись, охрана в дом не заходит, – Арин, как замороженная, не сводила с него взгляда.

– А Кларис?

– Она у подруги, вернется не скоро...

– Отец, судя по всему, в Центре. Исходя из последних событий, сегодня домой не вернется?

Арин, вспомнив, с каким бешенством тот выбежал из дома, кивнула.

– Хорошо! Камеры, датчики движения в доме есть?

– Камерами, как и датчиками движения оборудовано тут все, но они активируются только тогда, когда в доме никого нет. Кларис не захотела жить под их прицелами.

– Думаешь? Подумай лучше.

– Вспомнила. В кабинете отца недавно устанавливали камеры с выводом картинки ему на планшет, вроде так.

Арин никогда не задавалась этим вопросом. Она сейчас лихорадочно пыталась вспомнить, но безуспешно.

Жан ответил за нее:

– Понятно. Получается, что кабинет просматривает он

сам...

Жан ненадолго задумался.

– А запасные ключи?

Сознание Арин вновь включилось в борьбу. Она взвешивала собственную ценность и мысленно захлебывалась слезами. Чувствовала себя раздавленной, уничтоженной, выпотрошенной. С одной стороны, ей хотелось вцепиться в Жана и, сохраняя остатки гордости, вытолкать его за дверь, а с другой стороны, Арин видела одинокое и пустое будущее, в котором больше не осталось жизни. Понятия «Можно» и «Нельзя», вколотенные строгими воспитателями, как ангел и демон боролись за пальму первенства.

– Есть, – после терзаний шепотом ответила девушка, – запасной на непредвиденный случай.

– Теперь слушай внимательно, – Жан старался говорить, как можно нежнее, понимая, что допрос дался ей очень тяжело.

Все рассуждения о конце света, о создании какого-то фантастического оружия, массовая истерия, рожденная пониманием серьезной опасности для Арин, были всего лишь слова. Каста, к которой она принадлежала, опиралась на определение: «Вся жизнь – для них», а не «Выживание – ради жизни», и опасность, которая может в ней возникнуть, не вызывала первобытного страха. Этот страх стал для них рудиментом. Сейчас Арин сознательно шла на предательство отца не ради высоких целей, а ради любимого человека. К чему слово

«долг», когда важнее сердце? К чему оправдывать ложь ради мира, когда с собственной ложью нельзя ужиться?

– Слушай меня внимательно, – Жан старался говорить очень медленно и спокойно, – ты открываешь кабинет...

– А как же...

– Я же просил слушать меня внимательно, – строго повторил агент. – Ты читала про человека-невидимку?

Арин кивнула, ощущая себя маленьким, потерявшимся ребенком.

– Создана специальная одежда с интегрированными экранящими материалами и мембранами, защищающая и от тепловизоров, и от инфракрасного излучения, да и простые камеры, без наворотов, меня не увидят. Я буду просто сливаться с окружающей обстановкой, – Жан сделал паузу. – Сейчас на мне обувь и брюки из такой ткани. До входа в кабинет я надену перчатки и куртку с защитным капюшоном.

Только сейчас Арин рассмотрела необычный наряд Жана. Интересная, лоснящаяся ткань брюк и обуви с хитросплетением узоров и форм гармонировала с белой футболкой.

– Ты хорошо экипирован, – безжизненным голосом произнесла она.

Горечь сквозняком обдала молодого человека. Не время отступать, «кончай сантименты», как сказал бы Громов. Жан вновь собрался, отключившись от эмоций. Для них сейчас не время.

– Господин Леруа закрывает жалюзи в кабинете?

– Нет, он любит, когда в кабинете светло. А что?

– Свет от монитора в темной комнате...

– Свет в кабинете остался включенным, – Арин мотнула головой, пытаясь избавиться от разрывающих душу сомнений, – отец так быстро выскочил, что...

– Это хорошо!

Ворон глубоко вздохнул – сейчас или никогда. Каждое слово казалось тяжелым камнем, который тянул на дно. Слишком много таких камней набралось!

– Арин, девочка моя, послушай. Я не хочу принуждать тебя делать то, что противоречит твоим принципам. У тебя есть время подумать и любое твоё решение я приму как должное, – Жан вновь сделал паузу. – Слова, слова, как в песне, – как-то некстати буркнул он.

Арин опустила голову и замерла.

«Ну, и что ты молчишь? – взвилась Нира. – Сейчас он готов выполнить предначертанное. С тобой или без тебя он это делает, только, как ты будешь после этого жить?»

Девушка молчала. Ей хотелось зарыться с головой в одеяло. Такая действительность ей не нравилась, эта реальность не может принадлежать ей. И изменить её она не в силах.

– Хорошо Жан, я с тобой. Что делать? – на выдохе ответила она.

Агент протянул ей крошечную красную пуговку.

– Это весьма любопытная штука, с интересным составом. Если снять защитную пленку, а она снимается легко, – он по-

казал, где подцепить, – и прилепить на открытый участок тела человека, руку, например, то человек моментально уснет. Проснувшись, он ничего не будет помнить.

Арин удивленно подняла глаза.

– Зачем мне это?

– Ты где планируешь находиться в то время, пока я буду в кабинете?

– Конечно там же, рядом, вдруг что-то пойдет не так.

– Что ты сделаешь, если «вдруг что-то пойдет не так»?

Его потемневшие глаза неотрывно смотрели в глаза Арин, улавливая малейшее изменение ее внутренней борьбы.

«Жестоко, – с жалостью подумал он, – но иначе нельзя»

Арин закрыла руками лицо. Такое развитие событий ей даже не могло прийти в голову.

– Арин, прости, но ты готова наклеить транквилизатор на руку отца?

Душа Арин рвалась на части, но девушка, собрав волю в кулак, тихо произнесла:

– Пошли, открою кабинет.

– Тогда надень это, – сказал Жан, протягивая Арин ультратонкие латексные перчатки.

Глава 14

Кабинет генерала Леруа располагался в самом центре второго этажа. И фигурка «охраняющей» его Арин, как одинокого дерева посреди поля, хорошо просматривалась со всех сторон. Впустив в кабинет Жана, и сцепив молитвенно руки, она облокотилась о стену рядом с дверью. В этот момент она была не в состоянии мыслить логически. Арин даже не пыталась спрятаться, отойти к лестнице или завернуть за угол. Ей руководил страх затравленного зверька, но против обыкновения этот страх не побудил ее спрятаться от возможных «охотников». Взгляд, направленный в потолок говорил: «Только бы все обошлось, только бы...».

Нервы Арин слишком истрепались на протяжении этого дня. Она в напряжении кусала губы. Глупая затея! И Нира, как назло, коварно помалкивала, обходясь без привычных комментариев. Сущность знала, как заставить врасплох. Знала, как мотивировать сделать то, чего делать не хотелось. А добившись своего, пряталась в недрах бессознательного, словно ее и не было. Арин вздохнула и покачала головой. «В любом случае, уже поздно что-то менять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.